

Ник. Смирнов-
Сокольский

**РАССКАЗЫ
О КНИГАХ**

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Много «...рассказывают о жизни и творчестве писателя не нашего времени прижизненные издания его книг. Здесь все весьма важно: год издания, когда книга разрешена цензурой и кто цензор, кем она издана, в какой типографии напечатана, какой был тираж и т. д. Важно, как быстро разошлась книга, стала ли она редкостью или ее еще и сегодня, по прошествии многих лет, можно легко найти на книжном рынке». В библиографической повести «...делается попытка рассказать о судьбе всех отдельных книг, журналов и пьес И. А. Крылова, напечатанных при его жизни. Затрагиваемые попутно факты из биографии писателя носят лишь иллюстративный характер».

- **Ник. Смирнов-Сокольский**

- ☐
- ☐ ВСТУПЛЕНИЕ
- ☐ «УТРЕННИЕ ЧАСЫ»
- ☐ «ПОЧТА ДУХОВ»
- ☐ «ОДА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА»
- ☐ «ЗРИТЕЛЬ» И «С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕРКУРИЙ»
- ☐ ПЬЕСЫ КРЫЛОВА И ЖУРНАЛ «ДРАМАТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»
- ☐ ПЕРВЫЕ КНИГИ БАСЕН
- ☐ ПЕРВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ БАСЕН
- ☐ ИЗДАНИЯ БАСЕН МЕЖДУ 1815 И 1825 ГОДАМИ
- ☐ ВТОРОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ БАСЕН
- ☐ ИЗДАНИЕ БАСЕН, НАПЕЧАТАННОЕ В ПАРИЖЕ
- ☐ СОРОК ТЫСЯЧ ЭКЗЕМПЛЯРОВ
- ☐ «НАВИ ВОЛЫРК»
- ☐ ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА БАСЕН
- ☐ ПРИМЕЧАНИЯ

- **notes**

- ☐ 1
- ☐ 2
- ☐ 3
- ☐ 4
- ☐ 5
- ☐ 6
- ☐ 7
- ☐ 8
- ☐ 9
- ☐ 10

- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29
- ☐ 30
- ☐ 31
- ☐ 32
- ☐ 33
- ☐ 34
- ☐ 35
- ☐ 36
- ☐ 37
- ☐ 38
- ☐ 39
- ☐ 40
- ☐ 41
- ☐ 42
- ☐ 43
- ☐ 44
- ☐ 45
- ☐ 46
- ☐ 47
- ☐ 48
- ☐ 49
- ☐ 50
- ☐ 51
- ☐ 52
- ☐ 53
- ☐ 54

- ☐ 55
- ☐ 56
- ☐ 57
- ☐ 58

Ник. Смирнов-Сокольский

Нави Волярк

Библиографическая повесть об Иване Крылове

ВСТУПЛЕНИЕ

Появление в печати произведения писателя, выход в свет книги — самые значительные события в его жизни. Для изучения творчества писателя важно не только содержание самого произведения, но и как оно появилось в печати: отдельной ли книгой или в журнале и при каких обстоятельствах. Это иногда открывает такие подробности, такие важные факты жизни и творчества писателя, каких не найдешь ни в каких других источниках.

Как-то мне повезло, и я в 1931 году купил у букиниста собрание сочинений И. А. Бунина. Книги были самого обыкновенного вида, да и издание тоже самое обыкновенное — приложение к марксовскому журналу «Нива» за 1915 год. Всем известное шеститомное собрание сочинений, переплетенное в три издательских переплета. И уплатил-то я всего пять рублей.

Страницы всех шести томов были испещрены какими-то пометками, на которые я, по совести говоря, не обратил, тогда должного внимания. Бунину я уже давно читал, это издание у меня уже было, его кто-то взял, но позабыл отдать, и вот пришлось купить еще раз.

Купил, поставил эти книги на полку, и они стали ждать своего часа. Недавно как-то пришел ко мне в гости почтенный мой друг Николай Сергеевич Ашукин, литературовед, знаток книг. Понадобился ему зачем-то Бунин. Достал книги с полки, рассматривал их, рассматривал, да, вдруг, и говорит:

— А вы знаете, батенька, что это у вас такое? Личный экземпляр Ивана Алексеевича Бунина, с его собственноручной разметкой: где, когда, в каком именно журнале или альманахе напечатано то или иное стихотворение, тот или иной рассказ.

Стали рассматривать экземпляр вместе. Действительно — клад! У каждого произведения рукой Бунина сделана пометка: когда и где оно было напечатано раньше. Замелькали названия давно забытых сборников и периодических изданий: «Зарницы», «Перевал», «Образование», «Новое слово», «Журнал для всех» и другие. И все это — с числом, номером, с указанием измененного заглавия произведения. Указаны сокращения, какие были при первом издании, и наоборот, что именно впоследствии дополнено. Для библиографа и литературоведа — это годы труда, да и то так дотошно и подробно не сделать.

— Видел ведь я этот экземпляр-то, у самого Бунина, — продолжал рассказывать мне Н. С. Ашукин. — Хвастался им Иван Алексеевич. Говорил, что поработал, мол, для будущих

биографов... И вот — на тебе!

История, как попал этот экземпляр ко мне, проста: Бунин (по словам Н. С. Ашукина) дал этот размеченный экземпляр литературному критику Ю. В. Соболеву для работы. Сам писатель вскоре эмигрировал, а Ю. В. Соболев умер, и часть его библиотеки очутилась у букинистов. Сейчас автобиблиография Ивана Алексеевича Бунина цела и интересующимся может быть в любой час дана для работы.

Названия органов, где печатались впервые произведения того или иного писателя, говорят о литературных группировках, к которым принадлежал писатель, говорят... Словом, говорят иногда гораздо больше и точнее, чем некоторые биографы и исследователи.

Еще больше рассказывают о жизни и творчестве писателя не нашего времени прижизненные издания его книг. Здесь все весьма важно: год издания, когда книга разрешена цензурой и кто цензор, кем она издана, в какой типографии напечатана, какой был тираж и т. д. Важно, как быстро разошлась книга, стала ли она редкостью или ее еще и сегодня, по прошествии многих лет, можно легко найти на книжном рынке.

У Валерия Брюсова в «Терцинах к спискам книг» есть примечательные слова:

...угадывать великое в немногом,
Воссоздавать поэтов и века
По кратким предварительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка»...^[1]

Помогают порой «воссоздавать поэтов и века» пометы и на самих книгах. Интересны экслибрисы их прежних владельцев, их надписи, если, конечно, они имеют непосредственное отношение к данной книге. Вспоминаются строки Н. А. Некрасова:

Одно заметил я давно,
Что как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно —
Немой свидетель о заслуге.^[2]

Во всем, что я говорю, нет ничего нового, и, однако, собирая много лет все прижизненные издания великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова, я, например, нигде не нашел их полного и подробного библиографического описания.

Существующие сведения разбросаны по многочисленным

источникам, часть которых уже ненаходима. Эти источники крайне неполны и составлены с пренебрежением к самым необходимым подробностям.

Это тем более обидно потому, что жизни, деятельности и анализу творчества И. А. Крылова у нас посвящен ряд замечательных работ наших крыловедов — С. М. Бабинцева, Д. Д. Благого, А. П. Могилянского, И. В. Сергеева, Н. Л. Степанова и других.

Сейчас развеян миф о Крылове, как о добродушном анекдотическом «дедушке», басни которого старое реакционное литературоведение определяло, главным образом, как полезное чтение для детей. Лицо Крылова-сатирика, публициста-борца, писателя для народа намеренно замаскировывалось.

Это подлинное лицо И. А. Крылова всегда было ясно прогрессивному лагерю литературы и в первую очередь В. Г. Белинскому, который много писал о политической направленности сочинений Ивана Андреевича, о сатиричности и народности его басен, о значении его публицистических произведений.

Ниже делается попытка рассказать о судьбе всех отдельных книг, журналов и пьес И. А. Крылова, напечатанных при его жизни. Затрагиваемые попутно факты из биографии писателя носят лишь иллюстративный характер. Это — или от книги к факту, или от факта к книге. Ни на что большее настоящая работа не претендует.

«УТРЕННИЕ ЧАСЫ»

Молодой Крылов впервые увидел себя в печати в журнале «Лекарство от скуки и забот», издававшемся в Петербурге Федором Туманским. В декабрьском номере этого журнала за 1786 год была помещена «Эпиграмма», начинающаяся словами:

«Ты здоровым хвалишься умом везде бесстыдно,
Но здорового ума в делах твоих не видно».

В эпиграмме всего 16 строк и подписаны они «И. Кр.». Так в сокращенном виде обозначена фамилия Ивана Андреевича Крылова впервые в печати. Журнал этот просуществовал недолго (с июля 1786 по июль 1787 года), как, впрочем, и многие другие частные журналы того времени. Участие Крылова в этом журнале было случайным, и кроме указанной «Эпиграммы» и еще нескольких мелочей, ему приписываемых, крыловского в нем ничего нет.

Можно считать, что по-настоящему деятельность Крылова как журналиста началась с сотрудничества в другом журнале — «Утренние часы», выходившем в Петербурге в 1788–1789 годах^[3].

Журнал издавался с 20 апреля 1788 года по 12 апреля 1789, и было напечатано его всего 52 номера. На обороте титульных листов каждой части имелась монограмма «И. Р.», обозначающая, что издателем «Утренних часов» был Иван Герасимович Рахманинов, один из интереснейших людей того времени. В его роду столетием позже появился русский композитор С. В. Рахманинов. Сын, состоятельного помещика, Иван Герасимович Рахманинов был страстным поклонником Вольтера. Произведения этого вольнодумца он усердно переводил на русский язык и для напечатания их; еще будучи офицером, завел собственную типографию в Петербурге. В этой типографии кроме сочинений Вольтера он печатал переводы и других французских просветителей. Здесь же печатался и журнал «Утренние часы».

Вокруг И. Г. Рахманинова образовался кружок вольнодумно настроенных литераторов, часть которых входила и в «Общество друзей словесных наук», организованное М. И. Антоновским. «Общество друзей словесных наук» издавало в 1789 году журнал «Беседующий гражданин», в котором принимал ближайшее участие А. Н. Радищев.

Связь между этими двумя журналами несомненна. Принимавший деятельное участие в организации журнала

«Беседующий гражданин» Петр Александрович Озеров одновременно был одним из самых видных участников рахманиновского журнала «Утренние часы». В перечне подписчиков на «Утренние часы» было напечатано имя А. Н. Радищева, участие которого в этом журнале предполагается. По мнению проф. П. Н. Беркова, таким предполагаемым произведением А. Н. Радищева в журнале «Утренние часы» может быть отрывок «Уединенный Пармен», напечатанный на странице 113 третьей части^[4]. Так ли это, или не так, но личное знакомство и общение молодого Крылова с Радищевым бесспорны.

В журнале «Утренние часы» кроме предполагаемого произведения А. Н. Радищева, переводов из Вольтера и Мерсье, проникнутых духом вольнодумия и сделанных главным образом самим Рахманиновым, печатались сочинения и переводы П. А. Озерова, А. А. Нартова, А. Ф. Лабзина, В. С. Подшивалова, Т. И. Ильина, С. Д. Печенеева, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева и других.

Наиболее деятельное участие в «Утренних часах» принял молодой И. А. Крылов. Он напечатал в этом журнале несколько своих ранних басен.

Басни эти были настолько еще несовершенны, что после, когда Крылов окончательно отдал себя этому жанру, он даже не включал их в число заслуживающих повторного тиснения.

Мы, вероятно, никогда бы и не узнали, что басни, напечатанные в «Утренних часах», принадлежат перу великого баснописца. Делу помог литературовед Ф. А. Витберг. Ему посчастливилось где-то раскопать редакционный экземпляр первых двух частей журнала с расшифровкой всех имен авторов произведений, напечатанных в большинстве случаев анонимно^[5]. Было установлено, что в первых двух частях Крылову принадлежат басни: «Счастливый игрок», «Судьба игрока» и «Павлин и соловей». Кроме того, в третьей части журнала напечатана басня «Недовольный гостями стихотворец»; которая тоже бесспорно принадлежит Крылову, так как была позже перепечатана им в его журнале «Зритель» (1792, ч. I, с. 111). Надо думать, что и басни, напечатанные в третьей и четвертой частях «Утренних часов» («Олень и заяц», «Новопожалованный осел», «Картина», «Родины» и «Червонец и полushка»), тоже написаны молодым Крыловым, хотя это и не подтверждено документально.

В четвертой части «Утренних часов» за полной подписью Ивана Крылова напечатана ода «Утро». С большой достоверностью ему приписываются также напечатанные в журнале сатирические сочинения: «Роднябар» (если разъединить

это непонятное слово, получается «Родня бар»), «Письмо Смирennemудрого» и «Модные торговки».

Близкое участие в «Утренних часах» — важнейший факт в биографии молодого Крылова. Дружба с И. Г. Рахманиновым, знакомство через него с представителями передовой интеллигенции столицы сыграли огромную роль в формировании мировоззрения великого сатирика и баснописца.

«Утренние часы» не блещут высокими литературными достоинствами, но дух вольнодумия, мысль, что «человек сотворен для пользы человека», — делают журнал прогрессивным явлением в журналистике XVIII века.

Журнал чрезвычайно редок. Много лет считая периодические издания XVIII века одним из главнейших предметов своего собирательства, я сумел найти немало очень редких журналов, но «Утренние часы» были неуловимы.

Журнал этот не был указан в каталогах дореволюционных антикваров, и я думал, что мне не удастся познакомиться с ним поближе.

На помощь пришел советский литературовед Г. П. Макогоненко, подаривший мне третью и четвертую части этого журнала. Хотя это всего вторая половина полного комплекта «Утренних часов», но для моего собрания подарок оказался неоценимым.

Причин для исчезновения «Утренних часов» с книжного горизонта много. Тут и малый тираж журнала (число подписчиков едва-едва достигало ста) и те репрессии, которым подверглись все издания И. Г. Рахманинова вскоре после ареста А. Н. Радищева и разгрома, учиненного Екатериной II издателю Н. И. Новикову.

Приближение этой грозы и для себя И. Г. Рахманинов почувствовал ранее других и, ликвидировав свою типографию в Петербурге (ниже будет рассказано, что он уступил ее «Крылову с товарищи»), переехал к себе в имение в село Казинка Тамбовской губернии. Здесь он открыл новую типографию, искренне думая, что подальше от столичных соглядатаев он сумеет продолжать печатать своего излюбленного Вольтера. Действительно, он успел напечатать в этой новой своей типографии помимо ряда других книг «Полное собрание всех донныне переведенных на российский язык и в печать изданных сочинений господина Вольтера». Издание было в трех томах. Место и время издания показаны — город Козлов, 1791 год.

По доносу поссорившегося с Рахманиновым городничего Сердюкова Екатерина II через генерал-прокурора Самойлова в 1793 году прислала указ тамбовскому губернатору: «Чтобы вы как

наискорее и без малейшего разглашения приказали помянутую типографию у Рахманинова запечатать и печатание запретить, а книги все конфисковать и ко мне всем оным прислать реестр»^[6]. Указ этот был мгновенно исполнен, и на дверях рахманиновских складов и типографии появились замки и печати. Дело хотя и затянулось до следующего царствования, но все равно могло бы кончиться для И. Г. Рахманинова плохо. На счастье в 1797 году запечатанная типография и склад со всеми книгами, изданными «русским вольтерьянцем», внезапно сгорели.

Нет никакого сомнения, что пожар произошел не без участия самого И. Г. Рахманинова. Рахманиновское «дело» после этого само собой прекратилось, и лишь все изданные им книги было приказано «собрать и без изъятия сжечь».

Это, разумеется, не могло поощрить читателей хранить такие издания, а в их числе значился и журнал «Утренние часы».

Неудивительно поэтому, что журнал, явившийся первой ареной литературной деятельности молодого Крылова, стал чрезвычайно редким.

«ПОЧТА ДУХОВ»

Сам Иван Андреевич Крылов позже говорил об издателе «Утренних часов» И. Г. Рахманинове, что он «был очень начитан, сам много переводил и мог назваться по своему времени очень хорошим литератором. Рахманинов был гораздо старше нас и, однако ж, мы были с ним друзьями; он даже содействовал нам к заведению типографии и дал нам слово участвовать в издании нашего журнала „Спб-ский Меркурий“, но по обстоятельствам своим должен был вскоре уехать в Тамбовскую деревню. Мы очень любили его, хотя, правду сказать, он не имел большой привлекательности в обращении: был угрюм, упрям и настойчив в своих мнениях»^[7].

Умный и опытный литератор И. Г. Рахманинов очень ценил молодого Крылова, угадывая в нем нечто большее, чем сатирик сам в то время мог думать о себе.

Еще не закончилось издание журнала «Утренние часы», как И. А. Крылов задумал, а И. Г. Рахманинов дал ему возможность осуществить издание собственного сатирического журнала «Почта духов», журнала задиристого, острого, продолжавшего традиции лучших сатирических журналов, блиставших в конце шестидесятых и начале семидесятых годов того же века. Начало изданию сатирических журналов указанного периода было положено выходом «Всякой всячины», к которой близкое отношение имела Екатерина II. Она надеялась этим журналом направить русскую сатирическую мысль в сторону абстрактного морализирования. Она указывала путь сатире «на пороки», «на нравы», уводя ее от конкретной обличительности, от «сатиры на лицо».

Тяжкое положение крепостных рабов «Всякая всячина» звала рассматривать не как социальную проблему, а как этическую, предлагая направить огонь сатиры на «жестокосердие» отдельных помещиков.

Первые же появившиеся за «Всякой всячиной» частные сатирические журналы заняли резко противоположную позицию. Особенно остро были поставлены вопросы крепостного права и положения крестьянства. Здесь велика заслуга Н. И. Новикова, напечатавшего в «Живописце» «Отрывок путешествия в...», подписанный инициалами «И. Т.», позже высоко оцененный Н. А. Добролюбовым^[8].

Сатирическая журналистика этих лет подводила русскую литературу к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Екатерина II, действовавшая сначала путем полемики и увещания, весьма скоро объявила открытую борьбу сатирическим журналам и стала их один за другим закрывать.

Под несомненным влиянием этих журналов находился молодой И. А. Крылов, когда в 1789 году начал издавать свой собственный первый журнал, носивший название «Почта духов»^[9].

Издавался журнал с января по август включительно, но фактически последняя, августовская книжка вышла лишь в марте 1790 года. На этой восьмой книжке журнал и закончил свое существование, вряд ли по желанию самого Крылова. Есть все основания думать, что журнал был также запрещен Екатериной II.

Время, в которое Крылов начал издавать «Почту духов», было весьма тревожным. Екатерина II, напуганная крестьянским восстанием в России и революцией во Франции, принимала все меры для удушения «крамолы», в том числе и по линии печати. Фонвизин, выступивший на страницах «Собеседника любителей российского слова» с сатирическими вопросами к редакции журнала (1783), подвергся изгнанию из литературы. Задуманный им сатирический журнал «Друг честных людей, или Стародум» (1788) был категорически запрещен императрицей.

Надо удивляться, как И. Г. Рахманинову вообще удалось в это время добиться для Крылова разрешения на издание «Почты духов».

Впрочем некоторые «поблажки» цензура иногда допускала. Так она разрешила сыну Федора Эмина — Николаю переиздать в том же 1788 году журнал отца «Адская почта», издававшийся в 1769 году. Правда, переиздание вышло в сильно урезанном цензурой виде и под несколько другим названием: «Адская почта, или Курьер из ада с письмами».

В своем журнале Крылов, под видом переписки якобы приехавшего в Россию арабского волшебника и философа Маликульмулька с «духами» Зора, Буристоном, Асторотом, Вестодавом, Дальновидом и другими, печатал злободневные фельетоны, анекдоты, новеллы, стихи, рассказы и философские статьи.

Крылов часто прибегал к весьма прозаичному эзоповскому языку. Беря под защиту невинных, угнетенных и обиженных, Крылов вступился, например, за художника Скородумова. Скородумов учился за границей и пользовался там большой славой. Отвергнув выгодные предложения остаться за границей, он вернулся в Россию и здесь погиб от равнодушия и невнимания.

Выводя художника в своем журнале под именем Трудолюбова, Крылов заботится, чтобы читатель разгадал, кого

именно он подразумевает. Он пишет: «...я, скоро думав, сделался теперь совершенной пьяницей; известно, что скорость не одному мне, но многим причинила пагубу».

Слова «скоро думав», поставленные рядом, давали понять читателям крыловского журнала, о ком именно идет речь.

Немало страниц посвящено в «Почте духов» критике самой Екатерины II. Намеки на ее любовные похождения, насмешка над ее перепиской с французскими философами-просветителями, осуждение разбазаривания государственных земель ее фаворитам — все это можно найти в письмах «духов» и «эльфов» к «философу Маликульмульку».

Много места отведено в журнале театру и литературе. Необходимо отметить, что к журналу «Беседующий гражданин», выходившему одновременно с «Почтой духов», Крылов относился неприязненно, называя его «Бредящим мещанином». Несмотря на свою близость к отдельным членам «Общества друзей словесных наук», издававшим этот журнал, молодой Крылов резко расходился с ними в ряде вопросов, в частности мистически религиозных, которым «Беседующий гражданин» уделял немалое внимание. Кроме того, в «Беседующем гражданине», печатавшем такие смелые рассуждения А. Н. Радищева, как «Беседа о том, что есть сын отечества», некоторые сотрудники занимались прославлением Екатерины II.

Для молодого Крылова Екатерина II к тому времени уже потеряла даже и остатки своей популярности, и он не скрывал своего несогласия с «Беседующим гражданином».

«Беседующий гражданин», в свою очередь, не жаловал журнала «Почта духов».

Всего в журнале Крылова помещено 48 писем: 45 от лица восьми различных «духов», одно письмо «философа Эмпедокла» и два письма самого «Маликульмулька», «секретарем» которого объявил себя единственный сотрудник и редактор журнала Иван Андреевич Крылов, кстати вовсе не указавший своего имени в журнале.

По вопросу о единоличном авторстве Крылова в «Почте духов» было немало споров. Резкость и смелость обличений «Почты духов» дали возможность некоторым литературоведам предположить, что автором ряда писем был А. Н. Радищев. Версию эту впервые пустил секретарь великого князя, будущего царя Александра I, некто Массой, опубликовавший в Париже в 1800 году свои «Секретные мемуары» (на французском языке). Он отозвался о «Почте духов», как о «периодическом издании, наиболее философическом и наиболее колком из всех, какие когда-либо осмеливались публиковать в России»^[10]. По-

видимому, именно это обстоятельство побудило Массона приписать ряд страниц «Почты духов» перу А. Н. Радищева.

Сейчас уже окончательно доказано единоличное авторство И. А. Крылова в «Почте духов». Есть предположение, что некоторыми материалами ему помогал И. Г. Рахманинов, чья издательская монограмма «И. Р.» стоит на оборотной стороне заглавных листов каждой части журнала. И. Г. Рахманинову принадлежала, как издателю, рукопись «Почты духов». В 1802 году, спустя более десяти лет после выхода журнала, когда почувствовалось некоторое послабление режима, И. Г. Рахманинов решил переиздать «Почту духов». Он продал право переиздания предпринимателям Акохову и Козыреву, а те, в свою очередь, петербургскому книгопродавцу Свешникову, который и напечатал новое издание «Почты духов». Содержание журнала было разбито на четыре части, но не было разделено на месяцы, как в первом издании.

В остальном различия между изданиями, за исключением малозначащих мелочей, почти нет^[11].

Весьма вероятно, что в редактировании переиздания «Почты духов» принимал участие и сам И. А. Крылов, наезжавший в эти годы в Петербург. Издание И. Г. Рахманинова не преследовало каких-либо коммерческих целей. Достаточно сказать, что по договору с Акоховым и Козыревым издателю И. Т. Рахманинову причиталось всего по семи рублей за печатный лист. Ни Рахманинова, ни Крылова деньги эти никак не устраивали. Действовали, конечно, идейные соображения.

У меня есть оба издания, и оба они, в особенности первое, — большая библиографическая редкость. Незаконченный Крыловым журнал «Почта духов» был, вне всякого сомнения, прикрыт цензурой, хотя официальных документов о преследовании журнала не найдено. Не подверглись официальному преследованию автор всех помещенных в нем материалов И. А. Крылов и издатель его И. Г. Рахманинов. Но Екатерина II хорошо запомнила обе эти фамилии. Особенно И. А. Крылова, и сам Крылов знал, что его заметили и запомнили...

* * *

Нельзя не остановить внимания на появившейся в 1954 году диссертации молодого библиографа-литературоведа И. М. Полонской, работающей в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Диссертация посвящена издательской деятельности И. Г. Рахманинова.

Имеющийся в моем распоряжении автореферат этой диссертации носит название: «И. Г. Рахманинов. Из истории русского книгоиздательства конца XVIII века»^[12].

В работе И. М. Полонской на основании ряда найденных ею некоторых архивных данных доказывається, что известное книголюбом второе издание «Почты духов» Крылова, напечатанное в 1802 году, является на самом деле не вторым, а третьим изданием.

Удалившийся из Петербурга в село Казинка издатель И. Г. Рахманинов приступил в этой глухой провинции к печатанию не только сочинений излюбленного им Вольтера, но и ряда других книг. В частности, было напечатано в количестве 600 экземпляров фактически второе издание журнала «Почта духов». Напечатано оно в 1793 году, а в январе 1794 года по указу императрицы склад и типография И. Г. Рахманинова были опечатаны и опечатанным изданиям составлен список. В означенном списке фигурируют все 600 экземпляров «Почты духов» 1793 года, второго издания этого журнала.

Как уже говорилось, в 1797 году арестованный склад издательства И. Г. Рахманинова сгорел, и все напечатанные им книги погибли. Погибло и второе издание «Почты духов» 1793 года.

До настоящего времени не было найдено ни одного его экземпляра, и о самом существовании этого издания я узнал только из работы И. М. Полонской.

Разумеется, не зная о существовании второго издания «Почты духов», книголюбы его и не разыскивали. Теперь, другое дело — будем искать! Опыт подсказывает, что напечатанные книги уничтожить полностью не удастся. Где-нибудь, возможно, и сохранились хотя бы один-два экземпляра.

Во всяком случае, предполагаемый факт, что «Почта духов» 1802 года — издание не второе, а третье, — факт важный для изучения творчества Крылова и истории русской журналистики. Он опровергает, кстати, мнение некоторых исследователей, что «Почта духов» Крылова в первом своем издании якобы не имела успеха, печаталась в количестве всего чуть ли не 80 экземпляров, и издание прекратилось из-за убытков, которые понесли издатели. На самом деле журнал имел успех и закрыт был Екатериной II. Именно вследствие этого успеха И. Г. Рахманинов пытался напечатать второе, а потом оказал содействие появлению и третьего его издания.

«ОДА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА»

Год выхода последней книжки журнала «Почта духов» 1790 был тяжелым годом для Екатерины II. Вести о революции во Франции будоражили умы, и императрица решила беспощадно расправиться со всяким проявлением вольнодумства в России. Уже давно было дано повеление следить за деятельностью Н. И. Новикова в Москве, и гроза над ним, вот-вот, готова была разразиться.

И именно в этом 1790 году вышла книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Автор был заключен в Петропавловскую крепость и ждал приговора, в беспощадности которого ни у кого не было сомнения.

Издатель «Почты духов» молодой Иван Крылов прочитал сочинение А. Н. Радищева и не понял — зачем умный и образованный автор написал эту книгу? Крылов разделял чувства и мысли А. Н. Радищева, но не представлял себе, как можно столь открыто высказать то, что высказал он в своей книге? К чему это может привести? Книга не дойдет до читателя, а автор ее пожертвует жизнью.

Крылов не мог знать о том, что подвиг автора «Путешествия из Петербурга в Москву» рано или поздно будет высоко оценен историей.

Положение Радищева Крылову казалось безнадежным. Этим путем сатирик Крылов не пойдет. Он давно уже решил для себя, что истину надо говорить «вполоткрыто», иносказательно, намеком. И в этом случае истина останется истиной. Еще в самом начале своей драматургической деятельности Крылов, обиженный писателем Княжнинным и директором театра Соймоновым, написал последнему письма, которые в списках ходили по Петербургу и принесли немалый успех автору. Письма были преисполнены внешней почтительности, но каждая строка их дышала ядом. Соймонову Крылов писал: «И последний подлец, каков только может быть, Ваше превосходительство, огорчился бы...» и так далее. Или: «...видя глупое, Ваше превосходительство, можно ли не смеяться...» Только запятые делали эти, по существу оскорбительные, письма Крылова юридически невинными документами, к которым нельзя придраться.

По-своему И. А. Крылов считал себя правым. Бремя было такое, что всякий иной путь к правде — это кнуты Шишковского, казематы Петропавловки, Сибирь, виселица.

Молодой Крылов мечется по городу с мыслью — чем бы

можно помочь Радищеву? Может быть, написать Екатерине II письмо?

Письма она не поймет, да и фамилия сочинителя «Почты духов» явно на подозрении.

И тогда Крылов пишет Екатерине II оду. Пишет и выпускает ее отдельным изданием, единственным, которое было не журналом, не пьесой, не книгой басен^[13].

Внешним поводом для написания этой оды служит торжественное заключение мира со Швецией 3 августа 1790 года. Крылов в самых высокопарных выражениях, которые так любила Екатерина II, обращается к ней не только с прославлением ее деятельности, но и с прямым призывом:

О сколь блаженны те державы,
Где, к подданным храня любовь,
Монархи в том лишь ищут славы,
Чтоб, как свою, щадить их кровь!

Щадить жизнь подданных призывает Крылов, щадить не только на войне, щадить в мирной жизни.

Всячески воспевая Екатерину II, Крылов напоминает ей, что она «друг Музам», что она «наукам храмы ставит, порок разит, невинность славит, дает художествам покой». И невольно возникал, конечно, вопрос: какой же «покой художествам», если писатель Радищев в это время сидит в застенке и ждет казни?

Екатерина II и сама понимала, что в деле Радищева необходимо проявить некоторое чувство меры; и показала немалую заботу, чтобы расправа ее над писателем имела вид «законного» суда. Такой, с позволения сказать, «законный» суд, как известно, приговорил Радищева к смертной казни, которую она «всемиловитвейше» заменила ссылкой в Сибирь.

Роль крыловской оды во всем этом деле не была значительной, но сама по себе попытка ее автора помочь Радищеву, — заслуживает внимания.

Выпущенная Крыловым брошюра имела название «Ода на заключение мира России со Швецией».

Небезынтересно, что Крылов печатал это издание в типографии И. Шнора, у которого Радищев купил литеры и печатный станок для выпуска своего «Путешествия». Можно предположить, что типографщик Шнор, душа которого вряд ли в те дни была спокойной, знал о целях издания Крыловым оды и пошел молодому автору навстречу.

Тираж оды, по всей вероятности, был совершенно ничтожный. Крылову был нужен, в сущности, только один ее читатель —

Екатерина II.

Может быть, этим и объясняется почти удивительная редкость этого издания. Я не знаю ни одного частного собрания (включая свое), которое владело бы этой печатной одой Крылова. Из государственных книгохранилищ она имеется (в двух экземплярах), только в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве. В других библиотеках оды Крылова я, не видел.

Несомненно, что выпуская в свет отдельным изданием это произведение, Крылов, кроме желания вызвать сочувствие Екатерины II к Радищеву, преследовал и другую цель: показать ей и свою якобы благонамеренность.

Эта игра нужна была Крылову потому, что он еще не собирался складывать оружия и, несмотря на тревожные времена, затевал издание нового журнала «Зритель», первая книжка которого вышла из печати в феврале 1792 года.

«ЗРИТЕЛЬ» И «С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕРКУРИЙ»

Уезжая из Петербурга в село Казинку, И. Г. Рахманинов уступил свою типографию молодому И. А. Крылову, причем на весьма льготных условиях. И. А. Крылов составил компанию из близких ему, главным образом по его театральной деятельности, людей. Это были артист и драматург Петр Плавильщиков, артист И. А. Дмитриевский, критик и драматург А. И. Клушин. С ними вместе И. А. Крылов организовал типографию «Крылова с товарищи», которая вскоре приступила к печатанию ряда книг. С ними же И. А. Крылов начал издавать журнал «Зритель»^[14].

В составлении этой компании по изданию нового журнала не трудно угадать тонкий расчет И. А. Крылова. Он понимал, что издание журнала исключительно сатирического направления не избежит жесточайшего преследования цензуры и немедленного закрытия. Следовательно, в журнале должны быть статьи «положительного» характера, статьи, посвященные театру, драматургии, вопросам искусства. Настоящая подлинная сатира, как ее понимал И. А. Крылов, должна существовать в журнале между прочим, отнюдь не занимая главного места. По этой причине в «Зрителе» наряду со злыми, умными и сатирическими статьями самого Крылова есть немало всякого рода восхваления деяний «просвещенной» монархини. На них не скупился Петр Плавильщиков, умевший сочетать эти восхваления с борьбой за народность театра, и ряд случайных сотрудников вроде И. Варакина, А. Бухарского, В. Свистуновского, князя Г. Хованского и других.

Сатирическая часть журнала, наиболее ценная в нем, составляется из произведений И. А. Крылова и очень подружившегося с ним весьма способного журналиста А. И. Клушина.

Из сатирических произведений И. А. Крылова, напечатанных в «Зрителе», останавливает внимание прежде всего его восточная сказка «Каиб», являвшаяся в то время едва ли не самым смелым после радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» произведением, направленным против деспотизма и самодержавия.

Основная мысль «Каиба» выражена словами главного героя: «Не верьте в возможность существования идеальных государей. Это возможно только в волшебных сказках!»

А именно «идеальным государем» считала себя Екатерина II.

Проблема «идеального государя» была своего рода политической программой, противопоставляемой мечтам о республике. По этой «программе» и ударил И. А. Крылов.

Кроме «Каиба» он напечатал в «Зрителе» повесть «Ночи», дающую сатирическую картину нравов того времени, колкие и остроумные статьи: «Мысли философа по моде, или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума», «Речь, говоренная повесой в собрании дураков», «Похвальная речь в память моему дедушке» и другие.

Все это было как бы продолжением «Почты духов», и судьба журнала «Зритель» не могла быть иной, чем у первого журнала И. А. Крылова. Сатирик в то время еще не полностью овладел искусством маскировки, намеки его еще слишком легко угадывались, и «Зритель» на одиннадцатой книжке закончил свое существование.

Тираж журнала «Зритель» не установлен, но он вряд ли мог быть больше 250–300 экземпляров. Все три томика «Зрителя» сейчас уже почти ненаходимы. У меня — экземпляр из библиотеки П. А. Ефремова.

Документальных данных о запрещении «Зрителя» не найдено, но весь логический ход событий неминуемо вел журнал именно к такому концу. В типографии «Крылова с товарищи» еще летом был сделан обыск, во время которого у Крылова отобрали рукопись так и не дошедшего до нас его произведения «Мои горячки», а у Клушина — рукопись его сочинения «Сны». За обоими авторами установили слежку.

Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву 3 января 1793 года: «Правда ли, что издателей „Зрителя“ брали под караул и за что?»^[15]

К этому времени уже был арестован Н. И. Новиков и над головой молодого Крылова нависли тучи. Однако он еще не собирался — отказываться от борьбы.

Он решил, что может сделать еще одну пробу, еще раз попытать судьбу.

От И. А. Крылова поспешили отойти П. А. Плавильщиков и И. А. Дмитриевский, и Крылов только с одним, пока еще верным ему, А. И. Клушиным затевает издание нового журнала под названием «С.-Петербургский Меркурий»^[16].

Журнал этот уже вовсе не похож ни на «Почту духов», ни на «Зрителя». Это не сатирический, а общелитературный журнал. В нем гораздо больше произведений А. И. Клушина и других сотрудников, чем самого И. А. Крылова. Крылов печатает в журнале только стихи, оды, послания к друзьям. Во всем этом нет и тени сатиры. Всего лишь в двух статьях показывает, и очень

осторожно, свое подлинное лицо И. А. Крылов. Он пишет «Похвальную речь науке убивать время» и «Похвальную речь Ермалафиду», которые вошли в число лучших сатирических произведений И. А. Крылова. Кроме этого, он печатает рецензии на пьесы А. Клушина «Смех и горе» и «Алхимист».

Но и этого немного оказалось много. Придравшись к рецензии А. И. Клушина (на пьесу «Вадим»), напечатанной в третьей части журнала и показавшейся слишком «вольнодумной», цензура направила в редакцию для наблюдения своего человека — И. Мартынова, который фактически отстранил от редактирования издателей — И. А. Крылова и А. И. Клушина. Кроме того, печатание журнала из типографии «Крылова с товарищи» было перенесено в типографию Академии наук. Так, конечно, было вернее: больше гарантий, что журнале, и без того уже совершенно беззубом, не появится что-нибудь такое, чему не следует появляться.

Внешне это было обставлено так, что Крылову и Клушину печатать журнал в академической типографии должно было казаться даже как будто и выгодней: они были освобождены от расходов по его изданию.

В общем, подписной год «С.-Петербургскому Меркурию» дали довести до конца.

Кроме Крылова и Клушина в журнале сотрудничали И. Мартынов, Н. П. Николев, Д. Горчаков, Г. Хованский, А. Бухарский, А. Струговщиков и другие. Но все они, кроме И. Мартынова, печатались в журнале лишь эпизодически.

По сведениям В. П. Семенникова, «С.-Петербургский Меркурий» печатались в количестве 580 экземпляров. Сведения эти, правда, касаются только последней, четвертой его части, которая печаталась в типографии Академии наук. По всей вероятности, остальной тираж был такой же^[17].

Комплект журнала сейчас весьма редок, в особенности в полном и хорошем виде. Мой экземпляр — из библиотеки П. А. Ефремова.

Журнал издавался неаккуратно, видимо, из-за цензурных перипетий. Последний номер, помеченный декабрем 1793 года, вышел в апреле 1794. В нем напечатано объявление от издателей, в котором говорится: «Год Меркурия кончился и за отлучкой издателей продолжаться не будет». Вместе с «Меркурием» окончилась журналистская деятельность молодого Крылова. Теперь он уже ясно понял, что высказывать свободные мысли в печати ему не дадут. Это подтвердила и личная его беседа с Екатериной II.

По-видимому, императрица, не считая молодого и

несомненно талантливого журналиста И. А. Крылова «безнадежным», решила попытаться сделать его исполнителем своей воли. Литературные дела беспокоили Екатерину II. Разгром Радищева, Новикова и других, учиненный ею, в конце концов, никак не украшал «блестящий век Фелицы». Это она понимала сама. Надо было что-то противопоставить, и она начала свои «милостивые беседы» с писателями. В их число попал сначала Крылов, а потом Клушин.

Позже Фаддей Булгарин, захлебываясь от восторга, писал об этом приеме Крылова («Северная пчела», 1845, № 8):

«Великая приняла ласково молодого писателя, поощрила к дальнейшим занятиям литературой».

Результат этого «поощрения» сказался очень быстро: А. И. Клушин тут же написал низкопоклонную оду государыне и стал собираться в заграничную командировку на казенный счет, а несговорчивый И. А. Крылов, бросив все свои дела и литературные занятия, уехал из Петербурга скитаться по чужим местам, подальше от столицы. Уехал сам, не дожидаясь, пока его вышлют. Он хорошо знал, что с непокорными литераторами «великая» была коротка на расправу.

ПЬЕСЫ КРЫЛОВА И ЖУРНАЛ «ДРАМАТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

И. А. Крылову было всего двадцать пять лет. Он уехал из Петербурга разбитый, опустошенный. Он решил временно уйти от литературных занятий, считая, что отделался дешево, не разделив более печальной судьбы Радищева, Новикова и многих других.

Надежда в сердце была одна: «великой» было уже в это время 65 лет. Не будет же она жить вечно?

За плечами у молодого Ивана Андреевича помимо разбросанных по разным журналам мелких произведений были собственные журналы: «Почта духов», «Зритель», «С.-Петербургский Меркурий». Была напечатана отдельным изданием «Ода». Не так мало для его возраста.

Да, еще же были и пьесы! Ведь Крылов начал свою литературную деятельность в качестве драматурга. Шестнадцатилетним мальчиком он написал комическую оперу «Кофейница» и даже получил за нее гонорар — на 60 рублей книг. Были и другие пьесы, но речь идет о пьесах, появившихся в печати. Таких всего было четыре: «Филомела», трагедия в 5 действиях; «Бешеная семья», комическая опера; комедии «Проказники» и «Сочинитель в прихожей».

Пьесы эти были напечатаны в 39, 40 и 41-й частях специального журнала «Российский феатр», издававшегося Академией наук. 39-я и 40-я части этого журнала вышли в 1793, а 41-я — в 1794 году.

По принятому тогда обычаю, эти же пьесы, тем же набором, печатались и отдельно, с прибавлением отдельного заглавного листа. Такие экземпляры, очевидно, давали в виде гонорара авторам. Этих отдельных оттисков крыловских пьес у меня нет, и библиографическое описание их я взял из «Росписей» В. А. Плавильщикова, работ А. Ф. Смирдина и В. С. Сопикова. Оттисков таких всего три: «Бешеная семья», «Проказники» и «Сочинитель в прихожей»^[18].

Четвертой пьесе-трагедии И. А. Крылова «Филомела» не повезло. Она была напечатана в 39-й части «Российского феатра», в которой была помещена и пьеса Я. Княжнина «Вадим Новгородский». Пьеса Княжнина была запрещена, и весь тираж 39-й части журнала арестован в типографии. Позже эту часть пустили в продажу, но с вырезанным из нее «Вадимом». Вместе с ним пострадали и несколько первых страниц пьесы Крылова. В

моем комплекте «Российского феатра» — именно такая 39-я часть. Очевидно, из этой части не делали и отдельных оттисков. Оттиск крыловской «Филомелы» не указан ни в одной «Росписи».

Много позже И. А. Крылов рассказал М. Е. Лобанову: «В молодости моей я все писал, что ни попало, была бы только бумага да чернила; я писал и трагедию; она напечатана была в „Российском феатре“, в одном томе с „Вадимом“ Княжнина, с которым вместе и исчезла, да и рад тому: в ней ничего путного не было; это первые давнишние мои попытки»^[19].

Любопытно, что Яков Княжнин и Иван Крылов были литературными врагами почти с первой встречи. Крылов неоднократно выводил Княжнина в своих сатирах и пьесах.

Во всех ранних драматургических произведениях И. А. Крылова, довольно слабых по форме, звучала подлинная социальная сатира. Осмеивался быт дворянского общества, осуждался гнет крепостного права, звучала издевка над литературными корифеями, зазнавшимися не по таланту, и многое другое. Ряд пьес его по этим причинам не увидел света рампы.

Таков был к тому времени перечень изданий, к которым имел, непосредственное отношение И. А. Крылов, как писатель, журналист, драматург и редактор-издатель. И все это он предал забвению.

Начались годы скитаний. Рассказывают, что в первое время И. А. Крылов много играл в карты. Иногда даже выигрывал довольно крупные суммы, но, конечно, тут же их и проигрывал. Дворянская провинция жила скучно. Пьянство и азартные игры были распространенным явлением. Крылов ездил из города в город, из имения в имение, из гостей в гости. Скучающие хозяева были ему рады: свежий человек!

Изредка Иван Андреевич наведывался в Петербург. Иногда давал кое-какие мелочишки в журналы: стихи, переводы. Но все это так, без подписи, для души... В затеянный Карамзиным альманах «Аониды» Крылов тоже дал пару стихотворений: «Вечер» и «Вольное подражание псалму». И это Крылов подписывал только инициалами. Ему не нужно напоминать о своем существовании. Еще рано! И он тут же опять уезжает обратно в «никуда», просто в гости, к знакомым. Но как раз в год появления «Аонид» (1796), поздней осенью, умирает Екатерина II. Много-много позже о ней будут ходить по рукам злые строчки, которые станут приписывать перу Пушкина. В строчках этих будет подведен почти весь итог жизни императрицы:

Насильно Zubову мила

Старушка умная жила
Приятно, но немножко блудно,

Вольтеру лучший друг была,
Писала прозой, флоты жгла
И умерла, садясь на судно...

Крылов спешит в Петербург разведать, как обстоят дела. Престол наследовал Павел I, и, как говорится в русской пословице, «хрен» оказался «не слаще редьки». Наметанный глаз Крылова понял это сразу, и писатель решил, что время его еще не наступило. Надо уезжать опять. За эти годы он сблизился с князем С. Ф. Голицыным и уехал к нему в Саратовскую губернию: учил его детей, ставил домашние спектакли. Здесь и была им написана злая сатира на царствование Павла I — пьеса «Подщипа» («Триумф»). Пьеса была сыграна с участием самого автора, но, разумеется, напечатана при его жизни не была, хотя списки ее и ходили по рукам у многих.

До этого Иван Андреевич наведывался еще раз в Петербург. В 1798 году он сдал в театральную цензуру перевод итальянской оперы «Сонный порошок», получил разрешение, и в феврале 1800 года она была показана зрителям.

В том же 1800 году Крылов при содействии ловкого, но беспринципного А. И. Клушина готовит к постановке и к печати свою оперу «Американцы»^[20]. В театре, однако, она идет от имени А. И. Клушина. Против этого Крылов не протестовал, но когда Клушин и в печати попробовал выдвинуть себя на первое место, Крылова это удивило.

Издание это сейчас очень редкое, и, кроме Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве, мне нигде не удалось его видеть.

Фамилии автора в издании не указано, и лишь в предисловии за подписью Клушина говорится: «Г. Крылов, известный публике своими сочинениями, сделал основание оперы „Американцы“». Далее Клушин говорит о своем соавторстве и пытается доказать, что в опере «кроме стихов, не осталось ни строки, принадлежащей перу Крылова».

Это была неправда, и Крылов, очевидно, обиделся. Совсем другим оказался А. И. Клушин. Он не стоил дружбы...

Опять И. А. Крылов уехал к Голицыным, к Бенкендорфам, обратно к Голицыным. Но как надоело ему быть гостем!

В это время князя Голицына назначают в Литву. Крылов принимает предложение стать его секретарем. Надо же что-то

делать! Но Голицын попадает в опалу (при Павле I это случилось мгновенно), и опять Крылов, вместе со своим патроном, оказался в Казацком. Иван Андреевич думал, что это уже конец. Конец даже надеждам. Но Павел I был ненавистен не только Крылову. Наступил вскоре день, когда придворные задушили неугодного им императора. Крылову посчастливилось, может быть, первый раз в жизни. В это время князь Голицын вновь получил высокое назначение, на этот раз в Ригу, и Крылов поехал с ним, опять секретарем. Поехал снова выждать и посмотреть, что будет. Писатель уже стал старше, мудрее, он прошел суровую школу.

Летом 1802 года Крылов получает хорошие вести: прошла его пьеса «Пирог», вышла новым изданием «Почта духов». Однако осень приносит известие о самоубийстве Радищева. Значит, цари шиты все на одну колодку. И осенью 1803 года Крылов решает, что пора начинать литературную деятельность вновь. Что будет, то будет! Сколько же можно еще ждать? И так прошло ни много ни мало почти десять лет!

Расставшись с Голицыным, побывав в Серпухове у любимого брата Левушки, осмотревшись, заехав в Москву и повидавшись с друзьями, Крылов решительно садится за перо и бумагу. Иван Андреевич переселяется вновь в Петербург. Начинать он думает с театра. Это уже знакомо, кроме того, успех в театре приходит быстрее.

И. А. Крылов возобновляет старые знакомства, заводит новые. Особенно интересным показалось ему знакомство с А. Н. Олениным, меценатом, художником и царедворцем. Крылов вводит его негласным компаньоном в свою типографию, бывшую «Крылова с товарищи». Разумеется, царедворцу Оленину это любопытно лишь как меценату. Для него Крылов пока еще просто интересный и талантливый человек, которого, пожалуй, следует поддержать. Что будет с ним дальше — покажет время.

Иван Андреевич энергично работает над новыми пьесами. Три из них вызывают всеобщий восторг. Это — комедии «Модная лавка», «Урок дочкам» и опера «Илья богатырь». Они идут в театре с огромным успехом, и Крылов выпускает их отдельными изданиями^[21].

Трудно сказать почему, но все эти книжки чрезвычайно редки. У меня есть только вторые издания «Модной лавки» и «Урока дочкам». Оперы «Илья богатырь» нет совсем.

Редкость этих изданий, может быть, объясняется тем, что охотников собирать пьесы, даже замечательных авторов, всегда было немного. Пьесы интересны главным образом только записным театралам.

Нет нужды останавливаться на значении этих произведений

великого баснописца. Драматургия И. А. Крылова достаточно изучена. «Модная лавка» и «Урок дочкам» были направлены против увлечения галломанией, французским воспитанием. Вопрос этот был тогда особенно злободневен. Опера «Илья богатырь» была высоко патриотична. На Западе гремели наполеоновские войны, и опера И. А. Крылова весомо напоминала о величии русского духа, о народе, силы которого неисчерпаемы.

Именно эта опера сразу же принесла новую славу И. А. Крылову. Но сам он был неудовлетворен. Не этим должен он заниматься! Театр был почти недоступен народу, а без служения народу Писатель не мыслил своей жизни.

Вот что, если басня? Она очень, похожа на маленькую пьесу, которую он умеет делать. Но басня доходчивей, острее, действенней. Когда-то, на заре юности, он уже пробовал писать басни. Но разве можно сравнить его сегодняшний писательский опыт с прежним? Как-то Крылов очень почтительно обратился к прославленному в то время поэту и баснописцу Ивану Ивановичу Дмитриеву с просьбой посмотреть его «безделку»: три басенки, которые он перевел из Лафонтена. Это были «Дуб и трость», «Разборчивая невеста», «Старик и трое молодых».

И. И. Дмитриев, сам когда-то переводивший эти же басни, пришел в восторг.

«Вы нашли себя, — говорил он И. А. Крылову. — Это истинный ваш род. Продолжайте. Остановитесь на этом литературном жанре»^[22].

У И. А. Крылова не было оснований не доверять И. И. Дмитриеву. Старый поэт уже «парил на Олимпе», занимал высокий пост и мог позволить себе роскошь говорить правду.

Басни эти Крылов напечатал в журнале «Московский зритель», издававшемся Шаликовым, но Иван Андреевич понимал, что журнал этот — не арена для его новой деятельности. К тому же, басни его в дальнейшем вовсе не обещали быть безобидными, а князь Шаликов — трус.

Надо организовать собственный журнал, в котором он мог бы чувствовать себя хозяином.

И Иван Андреевич решил «тряхнуть стариной». Он составляет компанию, во главе которой ставит драматурга князя А. А. Шаховского, вполне «благонамеренного» человека. Крылов даже делает Шаховского полным хозяином. Журнал намечено посвятить вопросам театра. Придумано уже и название: «Драматический вестник». В компанию входят А. Н. Оленин, Д. И. Языков, А. А. Писарев, Н. И. Гнедич и другие.

Больше всех беспокоится о направлении журнала А. Н. Оленин. Он хорошо помнит прежнего Крылова — «якобинца». Как

бы он не взялся за старое? Но Крылов успокаивает, говорит, что не будет писать ни статей, ни сатир, ни пьес, только басни. Во всем остальном — хозяйствуйте вы!

В январе 1808 года вышел первый номер «Драматического вестника», последнего журнала, затеянного И. А. Крыловым^[23].

Комплект журнала с прибавлениями составляет большую редкость. У меня имеется экземпляр непереплетенный, в тетрадах, то есть в таком виде, в каком он рассылался подписчикам.

Его подарил мне ныне покойный критик и знаток театра Михаил Борисович Загорский, автор ряда книг по истории театрального искусства.

Журнал «Драматический вестник» особенно примечателен тем, что он является фактически первым русским периодическим изданием, посвященным исключительно вопросам театра. Выходивший до этого академический «Российский феатр» печатал на своих страницах только пьесы. Театральный журнал, в том понимании, в котором он существует и сегодня, тогда появился впервые. В «Драматическом вестнике» печатались теоретические статьи о театре, драматургии, рецензии на спектакли, театральная хроника. Крыловские басни появлялись в этом журнале под видом своеобразной «странички юмора».

Наукам, художествам и другим видам искусства (нетеатральным) отводилось место лишь в специальных приложениях.

Направление журнала «Драматический вестник» в целом вышло, однако, глубоко чуждым Крылову. А. А. Шаховской и его единомышленники встали на защиту классицизма, против влияния сентиментальной драмы, рисующей в идеалистических тонах жизнь «низких сословий». Крылов попробовал бороться, и в статье о пьесе «Марфа-посадница» (единственной статье, помещенной им в этом журнале) высказался за реалистическое направление театрального искусства. Впоследствии Шаховской и Писарев вняли Крылову и тоже изменили свои взгляды на театр. Но Крылову это уже было неинтересно. Он думал теперь только о баснях.

В журнале фамилия его мелькает довольно часто: то перепечатывается его пьеса «Модная лавка», то появляются послания, ему посвященные. Однако басни свои он печатает за подписью «К». Он еще не знает, что из них выйдет.

Всего за год Крылов напечатал в журнале 20 басен; в первой части — 13, во второй — 2, в третьей — 1 и в четвертой — 4.

Баснописец прислушался: ничего, тихо... Хвалят все, хотя высказал он в этих первых же баснях весьма смелые мысли: «У

сильного всегда бессильный виноват», «Что если голова пуста, то голове ума не придадут места» и так далее. О бесправии народа рискнул намекнуть И. А. Крылов в некоторых баснях, и тоже ничего, сошло... Очевидно, басня — удобный вид сатиры.

И журнал Крылову становится не нужен. «Драматический вестник», сослужив ему свою службу, прекращается в 93-м номере. Недоданы пустяки: всего одиннадцать номеров. Но Крылов не единоличный хозяин журнала — есть и другие, пусть они отвечают.

У Крылова впереди выход первой его книги басен. Книги за полной его подписью «Иван Крылов». Это — начало его новой жизни.

ПЕРВЫЕ КНИГИ БАСЕН

Свою первую книгу басен И. А. Крылов выпустил в свет в 1809 году. Подошел он к этому важнейшему событию своей жизни обдуманно и осторожно. Все басни Крылов не только предварительно напечатал в «Драматическом вестнике», но и неоднократно читал их вслух в различных литературных салонах, в гостиных влиятельных лиц, в литературных кружках самых различных направлений.

Обладая незаурядными актерскими способностями, Иван Андреевич читал свои басни с удивительным мастерством и неизменно имел огромный успех. Постепенно он стал модной фигурой в петербургском свете. Он с охотой принимал приглашения на обеды, на вечера и, не отказываясь, читал басни. Читая, Крылов внимательно присматривался к выражению лиц слушателей: а не слишком ли прозрачен затаенный смысл басен? Или наоборот, слишком глубоко спрятан? Но нет, языком Эзопа баснописец овладел виртуозно. Его лисы, медведи, вороны, марышки — богатым и сытым слушателям говорили одно, а народу совершенно другое... Избранный сатириком путь верен!

И еще одно обстоятельство заметил Иван Андреевич: оказывается, чрезвычайно важно его собственное поведение на этих вечерах и обедах, где он читает басни. Явную симпатию окружающих вызывает его несколько чрезмерный аппетит. По городу начали ходить анекдоты, что Крылов может запросто скушать целого гуся, поросенка, что он вообще чудак и оригинал. Это хорошо! Это сразу настраивает аудиторию на добродушный лад, на улыбку. Опасный внутренний смысл каждой басни прячется еще глубже от людей, от которых надо его прятать. Хорошо помогают Крылову разговоры о том, что Оленин ему всячески покровительствует. Надо постараться, чтобы эти разговоры усилились.

Так началось не только сочинение басен, но и «сочинение» жизни самого баснописца. Жизни, в которой должен быть обдуман каждый шаг, созданы особый облик, характер и поведение. Только так, может быть, и удастся писать и печатать такие басни, какими их задумал Крылов.

В своем мировоззрении, в своих убеждениях Иван Андреевич не собирался меняться ни на мгновение. «Якобинский заквас» юности по-прежнему питал его мысли и чувства. Только проявлять этот «заквас» баснописец решил по-другому, чем раньше.

Опыт проведения первой же книги басен через цензуру

показал Крылову, что предпринимаемые им меры предосторожности отнюдь не напрасны. Книга, представленная в цензуру через Д. И. Языкова 27 октября 1808 года, была задержана цензором И. О. Тимковским почти на месяц.

Басня «Парнас» вызвала резкое возражение цензора, и Крылов несколько раз ее переделывал и переписывал заново. А ведь И. О. Тимковский считался приятелем баснописца. Да и Д. И. Языков, через которого он представил книгу в цензуру, помогал как мог. Очевидно, всего этого мало. В следующий раз с его баснями пойдет в цензуру сам А. Н. Оленин — пусть помогает, его-то послушают наверняка!

Наконец, 24 ноября того же 1808 года И. О. Тимковский подписал разрешение, и 24 февраля 1809 года книга вышла из типографии Губернского правления^[24].

Тоненькая книжка была напечатана весьма скромно, на голубоватой бумаге, без всяких украшений.

Тираж книги был невелик — всего 1200 экземпляров. Но Крылов еще не знал полностью силы своих басен. Не знал, что книжка эта разойдется мгновенно и принесет ему сразу славу лучшего русского баснописца.

В книге напечатаны 23 басни: «Ворона и лисица», «Дуб и трость», «Музыканты», «Два голубя», «Лягушка и вол», «Ларчик», «Мор зверей», «Петух и жемчужное зерно», «Невеста», «Волк и ягненок», «Парнас», «Лев и комар», «Стрекоза и муровей», «Оракул», «Лев на ловле», «Роща и огонь», «Лягушки, просящие царя», «Человек и лев», «Старик и трое молодых», «Орел и куры», «Муха и дорожные», «Обезьяны», «Пустынник и медведь».

Сейчас это — одна из редчайших русских книг. Исследователь жизни и творчества Крылова В. Кеневич писал об этой книге:

«Единственный экземпляр, бывший у меня в руках, находится в имп. Публичной библиотеке (ныне Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Н. С.-С.). На заглавном листе его карандашом сделана надпись: „Нет. Нет в продаже, нет в Академии и трудно где-либо отыскать“»^[25].

Возможно, что сейчас уже и найдены другие экземпляры этой действительно редчайшей книги, однако в марте 1958 года ее не было в наличии в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Я буду рад, если со временем именно туда попадет имеющийся у меня первоклассный экземпляр этой книги, пришедший ко мне из собрания З. Гржебина.

Тот же В. Кеневич, продолжая свое описание первой книги басен И. А. Крылова, высказывает такое соображение: «Издание это, которое Жуковский приветствовал известной статьей, особенно драгоценно потому, что представляет много весьма любопытных и при изучении Крылова важных вариантов».

Итак, первая книга басен имела огромный успех. Со всех сторон слышались требования и на нее и ни новые басни.

Но Иван Андреевич не торопился. Он уже знал действенность своего оружия и понимал, что «дразнить гусей» надо с умом, осторожно, строго дозируя порции сатирических молний. Он рад слухам о том, что он якобы ленив до предела и поэтому не пишет. На самом деле, он работал упорно и много. Дошедшие до нас черновики его басен показывают, сколько раз он переделывал и поправлял каждое слово, каждую фразу.

По-прежнему Крылов принимал приглашения на обеды и вечера, с охотой читал новые, только что написанные басни. Это же лучшая проверка и текста басен и того впечатления, которое она производила на слушателей.

Только через два года после выхода в свет первой книги Крылов решается напечатать вторую, с новыми баснями. В цензуру на этот раз книга была представлена через самого А. Н. Оленина и в один день (8 марта 1811 года) на нее было получено разрешение. Выпущена книга была из типографии Петербургского губернского правления 15 ноября того же года. Напечатана вторая книжка басен столь же скромно, как и первая^[26].

Тираж книги — 1200 экземпляров. В ней напечатана 21 новая басня.

Почти одновременное этой книгой И. А. Крылов выпускает второе издание своего первого сборника басен, с существенными изменениями в тексте^[27].

Тираж этого издания — тоже 1200 экземпляров. Книга была представлена в Цензурный комитет 1 сентября 1811 года, разрешена 16 того же месяца, выпущена из типографии 9 декабря 1811 года. Обоих этих изданий 1811 года мне достать не удалось, и я описываю их по двум источникам: академическому изданию басен под редакцией А. П. Могилянского (М.-Л., 1956) и каталогу Л. И. Жевержеева, не имевшего первого издания 1809 года, но обладавшего этими двумя книжками 1811 года, причем на каждой была собственноручная дарственная надпись Крылова: «Его высокоблагородию Василию Ивановичу Красовскому».

Ныне оба эти экземпляра с автографами находятся в замечательном собрании профессора Ивана Никаноровича Розанова. Судя по дореволюционным антикварным каталогам, редкость изданий 1811 года несколько меньшая, чем у

первой книги басен, напечатанной в 1809 году, но (вот поди ж ты!) мне они не попались.

ПЕРВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ БАСЕН

Следующая книга И. А. Крылова, в которую, кроме уже напечатанных в изданиях 1809 и 1811 годов вошли новые 36 басен, появилась только через четыре года, в 1815 году. Это была первая иллюстрированная книга басен И. А. Крылова.

Четыре года, прошедшие между выходом в свет крыловских басен, были грозным временем для России: страна пережила Отечественную войну 1812 года. Естественно, что И. А. Крылов в своих баснях широко откликнулся на события этой войны. Откликнулся по-крыловски — умно, хитро и остро. Тревога, охватившая русский народ в докутузовский период войны, отражена, например, в басне «Раздел». Заключительные слова в басне:

В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней,
Всяк споры затевает
О выгоде своей —

прямо указывали на грызню генералов «главной квартиры», действовавших из-за личных интересов в ущерб обороне родины.

В басне «Кот и повар» говорилось о том же. Назначение Кутузова главнокомандующим было сделано по воле общественного мнения, по воле народа, вопреки желанию царя. Формированию этого общественного мнения немало способствовал Крылов своими баснями, напечатанными в журналах и ходившими по рукам в списках.

В басне «Ворона и курица» Крылов оправдал оставление Москвы Кутузовым, считая это гениальным стратегическим шагом. «И на погибель им Москву оставил», — писал о Кутузове Иван Андреевич, чем весьма помог полководцу, страдавшему от интриг тщеславного царя и придворной камарильи.

Одну из самых знаменитых басен Крылова «Волк на псарне» Кутузов прочитал перед фронтом солдат и офицеров. При словах: «Ты сер, а я приятель сед», — Кутузов приподнял фуражку и указал на свои седины. Громкое «ура» покрыло чтение этой басни.

Крылов и далее помогал народному герою, выпуская такие басни, как «Обоз», в которой оправдывал его мудрую

осторожность, «Щука и кот», где язвительно вывел царского приспешника адмирала П. В. Чичагова, упустившего из-за нежелания выполнить кутузовский приказ возможность пленения самого Наполеона.

Баснописец становится чрезвычайно популярным и в армии и в народе. Народ понял и полюбил его басни.

В эпоху Отечественной войны 1812 года произошел подъем народного самосознания, и вместе с тем возрос интерес к вопросам искусства и литературы. Самые широкие слои населения стали ощущать нужду в печатном слове, потянулись к книге. Передовая часть общества прониклась глубочайшими симпатиями к народу. Занималась заря деятельности дворянских революционеров-декабристов.

Такова была политическая обстановка, когда И. А. Крылов счел возможным выпустить свою новую книгу. Он охотно принял помощь царедворца А. Н. Оленина, который выхлопотал для него царскую субсидию на издание. В письме А. Е. Измайлова к Н. Ф. Грамматину (13 января 1813 года) можно прочесть такие строки: «Крылов на новое издание своих басен получил от государя через предстателя своего Оленина четыре тысячи рублей»^[28].

Ниже, при описании следующего иллюстрированного издания крыловских басен, вышедшего в свет через десять лет, в 1825 году, об этой «помощи» Оленина Крылову будет рассказано более подробно. Пока же достаточно сказать, что А. Н. Оленин составил смету издания новой книги, сам пригласил художников-иллюстраторов, следил за гравированием их рисунков. Каждую гравированную картинку в книге он метил своей монограммой «А. О.», обозначавшей, что гравирование прошло под его руководством.

Тираж книги был намечен в 2000 экземпляров, из которых сто — на веленовой бумаге, какая-то небольшая часть — на бумаге простой, но со всеми гравюрами и все остальные — без гравюр вовсе, с одной заглавной виньеткой^[29].

По опыту В. С. Сопикова (№ 12832) цена книги была помечена: «На веленовой бумаге — 25 рублей, на обыкновенной — 15 рублей и то же, без картин — 8 рублей».

Подобное деление на три вида диктовалось отчасти особенностью медных гравировальных досок, которые большого тиража не выдерживали, «уставали» и начинали давать плохие отпечатки или изнашивались вовсе.

Содержание книги было разбито на три части. Цензурное разрешение получено 25 мая 1815 года, а поступили книги в продажу — две первых части около 1 декабря того же года, а

последняя часть — в январе 1816 года.

В издание вошло 70 басен.

Мои экземпляры — из числа веленевых, «подносных». Переплетен в красный марокен, с золотым обрезом.

Имеется такой же экземпляр второго вида, в простом переплете, на обыкновенной бумаге, со всеми гравюрами, кроме одной: на странице 47 первой части — гравированная виньетка «Квартет» отсутствует. Очевидно лопнула гравировальная доска во время печатания первых экземпляров. Вместо виньетки набрано: «Конец первой части». Кроме того, на странице 21 третьей части почему-то выпало заглавие басни «Волк на псарне». Стоит просто номер «XV». В веленевых экземплярах есть и номер и заглавие. Во всем остальном — экземпляры идентичны.

Имеется у меня также экземпляр третьего, удешевленного вида, без гравюр вовсе, с одной заглавной виньеткой.

Следующее, еще более богато иллюстрированное издание басен 1825 года (оно будет описано отдельно, на своем месте) вышло в свет также в трех видах: на веленовой бумаге, с гравюрами, на бумаге простой, с гравюрами и экземпляры дешевые, без гравюр.

Тираж этих удешевленных (без гравюр) басен издания 1825 года был для своего времени громаден: десять тысяч экземпляров. Из них, веленевых, вероятно, всего сто, а с гравюрами, но на простой бумаге — экземпляров двести-триста.

Интересно отметить, что дешевые (без гравюр) экземпляры басен издания 1815 и в особенности 1825 года встречаются сейчас значительно реже, чем экземпляры второго и первого видов (с гравюрами). В. А. Верещагин, описывая эти книги в своем справочнике, сообщает: «Обе они (1815 и 1825 годов) были изданы, по всей вероятности, в весьма ограниченном количестве экземпляров и в тех, весьма редких случаях, когда они попадаются в продаже, оказываются большей частью переплетенными в современный изданию сафьяновый переплет с золотым обрезом»^[30].

В. А. Верещагин, разумеется, видел и описал только особые, иллюстрированные виды издания. Он абсолютно прав, говоря об их редкости. Однако, как ни редки они, как бы ни был мал их тираж, — экземпляры эти все-таки встречались и нет ни одного более или менее значительного собрания книг, где бы они не стояли на полке.

Другое дело — простые безгравюрные экземпляры. Несмотря на значительный их тираж и более дешевую цену, они почти совсем исчезли с книжного горизонта. Находящийся у меня простой безгравюрный экземпляр басен издания 1825 года в

обложке я имею все основания считать уникальным, так как подобного экземпляра я не нашел ни в одном государственном или частном собрании.

Объясняется это, конечно, тем, что дорогие, «с картинками» экземпляры предназначались для привилегированного сословия, имевшего библиотеки, в которых книги эти тщательно сохранялись.

Из этих библиотек они изредка попадали потом на книжный рынок и продолжали украшать коллекции других собирателей.

Басни Крылова без гравюр, дешевые, покупал народ, который читал их, зачитывал «до дыр», и книги эти в конце концов утрачивались, пропадали. Вот и получилось парадоксальное явление: экземпляры, отпечатанные в какой-нибудь сотне экземпляров, — найти можно, а экземпляры, оттиснутые в количестве десяти тысяч, — почти уникальны.

С точки зрения полиграфического искусства иллюстрированные книги басен Крылова издания 1815 и 1825 годов Образцовы и являются одними из лучших русских иллюстрированных изданий.

Как я уже говорил, мне посчастливилось: я имею оба эти издания во всех трех их видах.

Иван Андреевич Крылов знал, что книги его раскупаются мгновенно, и особенно интересовался тиражами именно простых, удешевленных изданий «для народа». О необыкновенном успехе этих изданий он говорил, что «басни его дают в руки детям, а дети не умеют беречь книг...»^[31] Лукавая улыбка баснописца при этом понимающим людям говорила о весьма многом.

ИЗДАНИЯ БАСЕН МЕЖДУ 1815 И 1825 ГОДАМИ

Ровно через год после выхода иллюстрированного издания (1815), в котором было три части, Крылов в театральной типографии А. Похорского последовательно, одну за другой выпускает четвертую и пятую части с новыми баснями.

Эти новые две части служат прямым дополнением к иллюстрированному изданию 1815 года. Цензурное разрешение на четвертую часть, содержащую 21 новую басню, получено 25 февраля 1816 года, а на пятую часть, с 23 баснями, — 7 марта.

Выпущены обе части из типографии А. Пехорского 5 апреля 1816 года.^[32]

Обе части напечатаны тиражом 1200 экземпляров, причем какое-то количество из них на особой бумаге, как приложение к особым, «подносным» экземплярам 1815 года, остальные — на бумаге простой, такой же, как и у безгравюрных дешевых изданий того же 1815 года. Портрет И. А. Крылова здесь появился впервые.

На книжном рынке иногда встречались все пять частей басен издания 1815–1816 годов без гравюр, сброшюрованные вместе. Очевидно, некоторая доля безгравюрных экземпляров первых трех частей 1815 года была еще не распродана, и Крылов через год «оживил» продажу прибавлением двух новых (четвертой и пятой) частей, с новыми баснями.

А может быть, к выпуску двух новых (четвертой и пятой) частей какое-то количество первых трех частей допечатали заново. Сейчас это установить трудно, но такие случаи в книгопродавческом деле бывали. А. Ф. Смирдин, например, при выходе 2-й части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя в 1823 году взял да и напечатал заново 150 экземпляров первой части, появившейся и распроданной за год до этого. «Иначе, — говорил Смирдин, — второй книжки не покупали — требовали непременно и первую»^[33].

Единственный, кто сообщал примерно то же самое по отношению к крыловским басням 1815–1816 годов, — был М. Лобанов^[34], но его недокументированное утверждение не принято библиографами. Они считают бесспорным, что 4-я и 5-я части вышли отдельным изданием. В моем собрании обе эти части имеются в отдельном виде, на особой бумаге, с портретом. Такие экземпляры чрезвычайно редки. Еще через год, в 1817 году, вышла из печати отдельная брошюра с тремя новыми баснями И. А. Крылова: «Кукушка и горlinka», «Сочинитель и разбойник» и

«Похороны»^[35].

Брошюра выпущена из типографии 5 января 1817 года. Обычной цензуры она не проходила, и на обороте заглавного листа имеется гриф: «Напечатано с дозволения главного начальства Императорской публичной библиотеки».

Надо ли напоминать, что таким «главным начальством» библиотеки был в это время Алексей Николаевич Оленин.

Это он начиная с 1814 года ежегодно 2 января устраивал в библиотеке торжественные собрания, на которые созывалась вся, знать Петербурга. Читался отчет о деятельности библиотеки, какое-либо «ученое рассуждение» о пользе просвещения и неизменно в заключение выступал «служащий» библиотеки Иван Андреевич Крылов с новыми баснями.

Между прочим, как раз в 1817 году такое торжественное собрание было последним. Официальной причиной их прекращения служила ссылка на то, что «служащие не могут быть отвлекаемы — от усиленных работ по составлению каталогов, во исполнение высочайшей воли»^[36]. Разумеется, истинная причина была известна только самому Оленину, ловкому царедворцу, всегда угадывавшему настроение придворных кругов.

Очевидно, что брошюра с тремя прочитанными новыми баснями Крылова на этом последнем собрании была напечатана для рассылки «на память» присутствовавшим на собрании. Какая-то часть тиража ее была напечатана на особой бумаге, с большими полями, с приложением гравированного портрета Крылова, рисованного О. Кипренским. Такой именно экземпляр я видел в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве. У меня — экземпляр на обыкновенной бумаге, без портрета И. А. Крылова.

Возможно, что часть оставшихся от раздачи брошюр после и поступила в продажу. Однако в известной «Росписи» А. Смирдина она не фигурирует. Во всяком случае, сейчас эта брошюра чрезвычайно редка.

К концу 1818 года у Крылова собралась еще одна часть (шестая) новых басен, а так как все прежние книги его к этому времени были уже распроданы, он решил приступить к изданию всех шести частей сразу.

И. А. Крылов знал, что книги его басен не залежатся на полках книжных лавок.

«Иждивением» Александра Пехорского, некоторые подробности о котором рассказывают ниже, в начале 1819 года была издана книга, простая и без затей, без портретов и гравюр, заключающая в себе все шесть частей басен Крылова, в которой напечатано уже солидное количество — сто тридцать девять

басен^[37].

Цензурное разрешение на первые пять частей получено 8 октября 1818 года, а на последнюю — новую, шестую часть — 8 марта 1819 года. Выпущено все издание из типографии 11 марта 1819 года тиражом 6000 экземпляров. Возможно, что небольшое количество напечатано, по обычаю, на лучшей бумаге, для подношений. Мне такие экземпляры не попадались. Мой экземпляр — на обыкновенной бумаге.

Как и почти все прижизненные издания басен Крылова, книга весьма быстро была раскуплена и стала библиографической редкостью. Еще в 1865 году В. Кеневич в «Русском архиве», описывая прижизненные издания Крылова, о книге басен 1819 года отметил:

«В публичной библиотеке (в СПб.) этого издания нет. За доставление этого издания автор приносит душевную благодарность Я. К. Гроту».

Позже это положение изменилось, и сейчас в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется изумительный экземпляр этого издания с проложенными между страницами чистыми листами бумаги, на которых рукой Крылова сделаны многочисленные исправления. По этому экземпляру И. А. Крылов готовил следующее свое иллюстрированное издание басен 1825 года.

Но с этим новым изданием Крылов не торопился. Больше того, хотел, чтобы и другие видели, что он не торопится. При выходе каждой своей книги басен он держался так, словно это его последняя книга, и автор вообще не считает это дело серьезным и важным. Как известно, Крылов также не любил, когда спрашивали, кого именно он имел в виду в той или иной басне. Никого, кроме бесхитростных зверушек, лис, зайцев, волков, медведей, орлов!.. На самом деле, каждая его басня откликалась на то или иное политическое событие в стране, вставала на защиту попранных прав народа, била по произволу, по власти имущим. Крылов смертельно беспокоился, что эта позиция его будет разгадана. «Опекавший» его А. Н. Оленин все больше и больше донимал своими «советами» баснописца. И Крылов расчетливо медлил с выпуском новых басен: как бы не сказали — довольно! Именно по этим соображениям одновременно с выпуском книги басен в 1819 году появилось объявление издателя, напечатанное в «С.-Петербургских ведомостях» (1819, 28 марта, № 25), где было сказано, что «автор, желая сим новым и последним изданием заключить достославное поприще свое, собрал все свои басни, со времени последнего издания им

сочиненные, как манускриптами у него находящиеся, так и в разных повременных листках отпечатанные».

Словом — с баснями покончено, и присматриваться к их автору уже незачем. У него «все в прошлом»...

В. Кеневич рассказывает, что известие об этом вызвало со всех сторон сожаления, выраженные даже и в печати.

Крылов действительно до 1823 года не печатает ни одной басни. В 1823 году его басня «Крестьянин и овца» появляется в альманахе декабристов «Полярная звезда».

Несколько позже в журналах печатаются басни «Кошка и соловей», «Рыбы пляски», «Вельможа и поэт», «Лев состарившийся» и другие.

Несколько слов о типографиях, печатавших до сих пор книги басен И. А. Крылова. Не считая Сенатской типографии, которая была выбрана для печатания иллюстрированного издания 1815 года, все остальные книги печатались в типографии Губернского правления, в типографии императорских театров и в театральной типографии А. Похорского. Но все это — одна и та же типография, та самая, которая была основана в 1791 году молодым И. А. Крыловым вместе с Клушиным, Дмитревским и Плавильщиковым под фирмой «Типография „Крылова с товарищи“». Типография прошла через сложные пертурбации, но связь Крылова с ней не прерывалась. В 1806 году он ввел в типографию в качестве компаньона А. Н. Оленина, субсидировавшего типографию личными средствами. Во главе типографии стоял брат Петра Плавильщикова — Плавильщиков Василий, какое-то время А. И. Ермолаев, в 1809–1812 годах — артист В. Рыкалов, а в 1813–1819 годах — Александр Похорский, управляющий конторой императорских театров. Позже типография была передана А. Смирдину, наследнику Василия Плавильщикова. С Александром Смирдиным у Крылова вскоре начались долговременные деловые взаимоотношения. Но это уже были отношения писателя с издателем, без какого-либо участия И. А. Крылова в делах типографских.

ВТОРОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ БАСЕН

«Предстатель» Крылова А. Н. Оленин, с семьей которого Иван Андреевич старался поддерживать самые близкие отношения, запросил у царя Александра I на издание новой иллюстрированной книги крыловских басен десять тысяч рублей, сумму по тому времени не малую.

Царь не очень любил баснописца. Он помнил, что в ответ на предложение написать басню, прославляющую его, Александра, «победы», Крылов написал что-то очень хитрое, обтекаемое... Кажется, сослался на то, что у него на это якобы не хватает голоса и таланта? Да, да! Крылов так и написал: «...жалею, Что лиры Пиндара мне не дано в удел: Я б Александра пел!»

Опасный писатель! Деньги ему можно дать, но пусть Оленин последит за ним, посмотрит...

Это было в апреле 1824 года. Ходатайство Оленина царь удовлетворил, и работы по подготовке нового издания начались.

Надо думать, что сам А. Н. Оленин, если отбросить в сторону его обязанность своего рода «наблюдателя» за творчеством баснописца, получал и искреннее удовольствие от выпуска в свет образцово иллюстрированных книг Крылова, являющихся шедевром гравировального и типографского искусств. Сам художник и гравер, А. Н. Оленин все хлопоты по изготовлению рисунков и гравировальных досок взял на себя. Все гравюры появляются в книге с его монограммой «А. О.», обозначающей его личное участие в выполнении. Сыну своему, весьма недурному художнику Петру Алексеевичу Оленину, он поручил нарисовать портрет Крылова, и сын это сделал весьма искусно.

Иллюстрации первоначально было поручено выполнить замечательному художнику Александру Орловскому, но тот, сделав всего пять рисунков, по неизвестным причинам не дал их для издания и отказался от дальнейшей работы. Существует версия, что художник был недоволен иллюстрациями. Эти рисунки впервые были напечатаны только в 1907 году в Петербурге Кружком любителей русских изящных изданий. Надо признать, что рисунки Орловским выполнены мастерски, но, конечно, они мало соответствуют стилю и характеру басен Крылова.

Вместо А. Орловского были приглашены уже испытанный И. Иванов и А. Зауервейд. К гравированию привлекались все светила гравировального искусства: С. Галактионов, И. Ческий, Ф. Иордан

и другие.

Крылов тщательно отредактировал все старые басни и впервые добавил новую, седьмую часть (или «книгу», как стал называть он теперь), в которую вошли 26 новых басен. Всего в издании помещено 165 басен. Здесь же впервые Крылов отметил басни, заимствованные по сюжету или переведенные. В общем числе басен таких оказалось тридцать четыре^[38].

Книга поступила в Цензурный комитет 2 апреля 1824 года, получила разрешение 30 августа того же года, но выпущена из типографии только 20 марта 1826 года. Надо думать, что такая задержка произошла из-за событий 14 декабря 1825 года.

Тираж книги для своего времени весьма значителен: 10000 экземпляров. Разумеется, какое-то количество (вероятно, 100), как и иллюстрированного издания 1815 года, вышло в виде роскошных «подносных» экземпляров, часть (не более 300 экземпляров) — с гравюрами, но в худших отпечатках, а все остальные — вовсе без гравюр, с одним портретом автора.

У меня есть все три вида издания. Никакой разницы, кроме качества отпечатков гравюр, качества бумаги и величины полей, между первым и вторым видами нет. Только портрет Крылова в экземплярах второго вида гравировал уже не И. Фридриц, а И. Степанов, причем подписано не «гравировал», а «копировал». Ясно, что работу своего сына А. Н. Оленин не пожелал дать с уже «усталой» доски, и портрет отгравировали заново.

С этой же степановской доски портрет оттиснут (и очень плохо) в общем (безгравюрном) тираже басен.

На печатных обложках, сохранившихся в моем экземпляре удешевленного вида, значится цена 12 рублей. По «Росписи» Смирдина видно, что экземпляры с гравюрами второго вида стоили 20 рублей. Экземпляры «подносные», первого вида — в продажу не поступали.

При описании басен издания 1815 года я уже говорил о том, что степень редкости всех трех разновидностей — обратно пропорциональна их качеству. Наиболее редкими оказались удешевленные безгравюрные экземпляры, напечатанные в количестве неизмеримо большем, чем дорогие и «подносные» с иллюстрациями. Эти — просто редки, а дешевые, предназначенные «для народа», — ненаходимы.

* * *

На «подносном» экземпляре иллюстрированного издания басен Крылова 1825 года на листе форзаца имеется дарственная

надпись Крылова: «Алексею Николаевичу Оленину от сочинителя». На следующем листе Крыловым собственноручно написано такое стихотворение:

«Прими, мой добрый меценат,
Дар благодарности моей и уваженья.
Хоть в наш блестящий век, я слышал, говорят,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть, может быть, иным я странен покажусь,
Но благодарным быть никак я не стыжусь.
И в простоте сердечной
Готов всегда и всем сказать, что на меня
Щедрот монарших луч склоня,
Ленивой музыки и беспечной
Моей ты крылья подвязал.
И может без тебя мой слабый дар завял
Безвестен, без плода, без цвета
И я бы умер весь для света.
Но ныне, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной в том назову.
При мысли сей мое живее сердце бьется.
Прими ж мой скромный дар теперь
И верь,
Что благодарностью, не лестью он дается.

И. Крылов

Апреля 18 дня 1826 года».

Стихотворение это Иван Андреевич Крылов, вероятно, не без настояния самого «добраго мецената», не оставил безвестным, а довел до всеобщего сведения, напечатав в альманахе Дельвига «Северные цветы» за 1828 год.

Таким образом, роль Оленина как «друга-мецената» была, казалось бы, подтверждена самим Крыловым в печати.

Однако ни сам Оленин, ни официальные биографы Крылова, проливавшие, не жалея, слезы умиления по поводу «сердечной признательности» великого баснописца к своему «благодетелю», не заметили весьма тонкой иронии в этом, на первый взгляд, столь почтительном «мадригале».

Роль Оленина-мецената в стихотворении сводится к тому, что он, «щедрот монарших луч склоня» в сторону баснописца, тем самым, как говорит Крылов:

Ленивой музы и беспечной
Моей ты крылья подвязал.

В переводе с обычного эзоповского языка баснописца это можно понимать так, что «меценат» просто-напросто лишил свободы «беспечную музу», опекаемого им сатирика. Слово «подвязал» может иметь двоякое значение.

Двойственная роль А. Н. Оленина, который, под видом самой искренней дружбы к Крылову, по заданию правительства проводил негласную, «направляющую» форму политического над ним наблюдения и неофициальной цензуры, была давно ясна самому Ивану Андреевичу. Эта «дружеская», под видом «добрых советов», цензура уже не раз показывала свои коготки, куда более острые, чем у цензуры официальной.

В басне своей «Соловьи» Крылов недвусмысленно говорил о собственной участи:

«А мой бедняжка соловей.
Чем пел приятней и нежней,
Тем стерегли его плотней».

Дочь Оленина, Варвара Алексеевна, объясняя позже библиографу В. Ф. Кеневичу скрытый смысл некоторых крыловских басен, против басни «Соловьи» сделала собственноручное примечание, гласящее, что басня эта написана «Для батюшки — А. Н. Оленина». Варвара Алексеевна точно знала, что под «соловьем» Крылов подразумевал себя, и под «стерегущим его» — Алексея Николаевича Оленина^[39].

Крылов понимал, что без Оленина ему будет еще труднее. И он делал из своего «мецената» ширму не только для сатиры.

Когда разразились события 14 декабря 1825 года, Крылов, отнюдь не полностью разделявший взгляды восставших, посчитал своим долгом быть на Сенатской площади.

Сами декабристы, завидев массивную фигуру баснописца, закричали ему из каре, чтобы он немедленно уходил. Восставшие всячески оберегали от риска крупных писателей, в том числе и Крылова. Крылов понял, что он на площади бесполезен, и мудро, не заходя домой, прямо пошел к Олениным, где и рассказал о своем походе, которое было вызвано якобы простым любопытством. «Я думал, что пожар», — говорил баснописец, надеясь, что всем известная анекдотическая его страсть смотреть пожары спасает его от ответственности.

Варвара Алексеевна Оленина в этот день записала в своем

дневнике:

«Крылов 14 декабря пошел на площадь к самим бунтовщикам так, что ему голоса из каре кричали: Иван Андреевич, уходите, пожалуйста, скорей!»

На вопрос Олениной Крылову: «Зачем он туда пошел?» — баснописец ей ответил более откровенно: «Хотел взглянуть на участников восстания»...^[40]

Несмотря на всю маскировку, Крылов все-таки не избежал неприятностей. Его вызывали на беседу-допрос к самому Николаю I. Последний, однако, решил, что трогать пользующегося всенародной любовью баснописца не стоит.

Дело о «походе» Крылова замяли.

Возвращаясь к описанию экземпляра басен 1825 года с автографом Ивана Андреевича, нетрудно установить путь, по которому книга эта попала в мою библиотеку.

Дореволюционный петербургский антиквар, занимавшийся к тому же библиографией и издательским делом, — П. А. Картавое сообщил в своем «Литературном архиве», что личная библиотека и бумаги Оленина были в 1900 году приобретены у его наследников книгопродавцем В. И. Клочковым. Большинство книг и бумаг А. Н. Оленина Клочков продал в Публичную библиотеку в Петербурге, остальное пустил в розницу в своем магазине^[41].

В розницу попала и книга с автографом Крылова. Это тем более вероятно, что на книге имеется книгопродавческий знак фирмы В. И. Клочкова. Книгу приобрел у Клочкова дореволюционный собиратель, некий Н. Н. Ефремов, который, уже в наше время, будучи глубоким стариком, уступил экземпляр мне. Вот и вся история этой находки.

ИЗДАНИЕ БАСЕН, НАПЕЧАТАННОЕ В ПАРИЖЕ

Имя Крылова к 1825 году было широко известно не только в России, но и далеко за ее пределами. Весьма способствовало его славе издание басен на трех языках — русском, французском и итальянском, предпринятое в Париже графом Григорием Владимировичем Орловым.

Племянник всесильного екатерининского фаворита Григория Григорьевича Орлова, Г. В. Орлов при Екатерине II был сенатором и камергером. При вступлении на престол Павла I, жестоко преследовавшего «любимцев» матери, Г. В. Орлов поспешил удалиться в Париж, где и проживал со своей женой, урожденной Салтыковой. Ведя в Париже жизнь богатого вельможи, путешествуя и занимаясь собиранием картин и эстампов, Г. В. Орлов был не чужд и литературе. Он напечатал несколько собственных работ, преимущественно по вопросам искусства. В его парижском особняке организовался литературный салон, который посещали лучшие поэты, писатели и художники.

В 1823 году, по мысли жены Г. В. Орлова — Анны Ивановны, большой поклонницы Крылова, было решено перевести лучшие его басни на французский язык. До этого, путешествуя по Италии, она уже собрала переводы крыловских басен на итальянский язык, сделанные «именитейшими поэтами Италии».

В парижском салоне Орловых закипела работа. Открылся как бы «турнир-поэзии», в котором до 80 поэтов трудились над переводами басен «русского Лафонтена».

Среди французских переводчиков значится имя знаменитого автора «Марсельезы» Руже де Лилля, перу которого принадлежит перевод басни «Гуси». Содержание басни вполне отвечало революционному духу переводчика, пострадавшего при реставрации монархии во Франции от собственных «гусей», кичившихся тем, что их «предки Рим спасли», в то время как сами они были тоже едва-едва, «лишь годны на жаркое». Всеобъемлющее значение сатиры Крылова можно было применить не только к русским условиям и событиям.

Орловы всячески помогали переводчикам. Это им не особенно удавалось, и некоторые переводы получились весьма далекими от оригиналов. В общем, было переведено на французский и итальянский языки восемьдесят девять басен Крылова.

Для осуществления издания Орловы не пожалели ничего. Два

тома басен были напечатаны на трех языках в лучшей типографии Дидота. К изданию приложены портрет автора, гравированный Кеном и пять иллюстраций, одна из которых (к басне «Раздел») нарисована знаменитым художником Изабэ.

Книги вышли из печати примерно в марте 1825 года, и главная часть тиража была быстро распродана в Париже. Торжество Крылова там было полное. В Россию попало, по-видимому, малое количество экземпляров, так как оба томика давно уже считаются редкостью^[42].

Предисловие на французском языке г. Лемонте было перепечатано в наших периодических изданиях по-русски и вызвало известную статью А. С. Пушкина, отстаивающую народность творчества И. А. Крылова.

Издатель басен Г. В. Орлов в своем предисловии, с обращением к автору басен: «Любезный друг, Иван Андреевич!», между прочим, писал:

«Пускай иноземцы, кои испытали всю твердость и силу русского меча, узнают, что сей народ не лишен также и изящных дарований, что он имеет своих поэтов, своих историков, своих ученых, что и с сей стороны он заслуживает не менее уважения и почтения, как со стороны славы и побед, гремящих в честь его во всей вселенной!»

Это было напечатано в Париже через десять с небольшим лет после разгрома русскими наполеоновских полчищ и звучало, во всяком случае, весьма весомо. Для популяризации русской литературы затея Орловых была чрезвычайно полезной. В этом, конечно, главное значение парижского издания басен Крылова.

..

Два томика в обложках чудесной сохранности сумел раздобыть для меня ленинградский антиквар П. Ф. Пашнов — один из тех книжников, с которыми прошла моя собирательская жизнь. В ряде своих рассказов я вспоминаю ныне покойных П. П. Шибанова, А. С. Молчанова, основателя Книжной лавки писателей Д. С. Айзенштадта, его помощника М. И. Шишкова, М. В. Кучумова и других знатоков книги.

Я часто называю книжников: основного моего советчика — А. Г. Миронова, ленинградца И. С. Наумова, знакомого мне с юношеских лет А. С. Бурдейнюка, старейшего антиквара Ф. Г. Шилова, А. Тарадина и других.

Все эти люди искренне, от души любили и любят свое трудное и малоблагодарное дело. Люди они все старые, и я не вижу, чтобы появлялись новые, равные им по знанию.

Снова напомним, что книга букинистическая и книга антикварная — это разные понятия.

Научить стать специалистом по букинистической книге не так уже трудно. Существует специальная школа, и среди молодых, ныне уже обученных «товароведов» немало любящих и хорошо знающих этот важный вид книготорговли.

Другое дело — специалисты по антикварной книге. Научить этому делу трудно. Это значит — научить весьма многому: истории литературы и истории просто, научить разбираться хотя бы в начатках всех многочисленных отраслей науки, знать биографии писателей и поэтов, разбираться в вопросах живописи и графики, уметь не спасовать перед книгой на любом языке.

При наличии такого количества знаний, разумеется, уже трудно оставаться в скромной должности «товароведа» букинистического магазина, этой «вершины карьеры» для книгопродавца-антиквара. К тому же должность эта и ценится недостаточно и необходимого уважения к этой трудной профессии иногда бывает маловато.

Вот и захотелось сейчас еще раз сказать о них доброе слово. Думается, что и сам И. А. Крылов, друживший с такими энтузиастами книгопродавческого дела, как Василий Сопиков и Александр Смирдин, не посетовал бы за это отступление в рассказе об его прижизненных изданиях.

СОРОК ТЫСЯЧ ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Разгром декабрьского восстания 1825 года, свидетелем которого был Иван Андреевич Крылов, окончательно укрепил его собственное мнение, что надо действовать еще осторожней, еще осмотрительней. Когда-то в басне «Волк и лисица» Крылов сказал своим читателям, что «истина сноснее вполоткрыта». Крылов был теперь убежден, что истина в таком виде не только «сноснее», но и единственно возможна.

Крылов не боялся, что читатели его не поймут. Он говорил языком народа, а народ и сам выражает истину пословицей, поговоркой, намеком. Еще в первой своей книге басен 1809 года Крылов напечатал басню «Ларчик», в которой разъяснял, что истина в его творениях спрятана отнюдь не глубоко и что «ларчик открывается просто».

У каждого писателя свой путь, но Крылов выбирает именно путь намека, «истины вполоткрыта» — путь, требующий огромной внутренней сдержанности, умения прятать чувства и мысли.

Крылов хотя и не разделял полностью убеждений декабристов, но понимал, что декабрьское восстание не прошло даром, что Россия тронулась с места и что надо и ему сказать какое-то свое слово.

Но только в начале 1829 года, в альманахе «Северные цветы», который издавал Дельвиг, появляются три его новые басни: «Пушки и паруса», «Бритвы» и «Бедный богач». В баснях этих чувствуется, что сатирика глубоко волнуют дела государственные, политические.

Придаться к Крылову было невозможно. Мало ли о чем толкуют между собой «пушки» и «паруса», и мало ли что можно подумать о словах баснописца:

Вам пояснить рассказ мой я готов:
Не так ли многие, хоть стыдно им признаться,
С умом людей боятся
И терпят при себе охотней дураков.

Кто поверит, что «осыпанный милостями» Крылов, этот «ленивый, спящий чуть ли не на ходу толстяк» метит в самого Николая I, который, в страхе и ужасе от восстания декабристов, разогнал, посадил, выслал передовых, умных и мыслящих людей и окружил свой трон бездарностями.

Крылов приготовил новую книгу басен — восьмую по счету.

Об этой последней и о предыдущей седьмой, печатавшейся в канун декабрьского восстания, Белинский писал: «Все басни Крылова прекрасны; но самые лучшие, по нашему мнению, заключаются в седьмой и восьмой книгах. Здесь он, очевидно, уклонился от прежнего пути, которого более или менее держался по преданию: здесь он имел в виду более взрослых людей, чем детей; здесь больше басен, в которых герои — люди, именно все православный люд; даже и звери в этих баснях как-то больше, чем бывало прежде, похожи на людей»^[43].

Белинский неоднократно подчеркивал политическую направленность крыловской сатиры. Высказаться о Крылове более откровенно Белинскому не дала бы цензура.

О печатании новой, восьмой части басен вместе со всеми уже вышедшими ранее Крылов договаривается с издателем Александром Смирдиным.

В жизни Крылова А. Ф. Смирдин человек не случайный. В 1817 году Смирдина приглашает из Москвы в Петербург известный в то время издатель, книгопродавец и владелец библиотеки для чтения — Василий Алексеевич Плавильщиков, брат и наследник артиста и писателя Петра Плавильщикова, компаньона Крылова по делам типографии «Крылова с товарищи». Связь с делами этой типографии много раз менявшей название, как уже говорилось выше, у баснописца продолжалась и в эти годы.

Своим трудолюбием, а также любовью к книгам Смирдин покоряет Василия Плавильщикова, который перед смертью в 1823 году передает ему книжную лавку и библиотеку. Одновременно Смирдин становится и арендатором типографии, бывшей когда-то «Крылова с товарищи».

Какими бы льготными ни были условия, на которых В. А. Плавильщиков завещал свое дело Смирдину, однако последнему нужны были наличные материальные средства для того разворота, каким вскоре блеснул этот талантливый книгопродавец и издатель.

Есть много оснований думать, что не имевшему копеечки за душой А. Ф. Смирдину пришли на помощь И. А. Крылов, вместе с «предстателем» своим А. Н. Олениным, как известно, уже субсидировавшим после знакомства с баснописцем типографию, бывшую «Крылова с товарищи».

В апреле 1830 года И. А. Крылов заключил договор с А. Ф. Смирдиным на издание басен. По этому договору Крылов предоставлял Смирдину десятилетнее право печатать все восемь частей его басен. Предусматривался общий тираж 40 000 экземпляров и гонорар Крылова в сорок тысяч рублей

ассигнациями.

Небывалому по цифрам и тиража и гонорара договору этому придана была широкая огласка, в которой опять чувствовалась мудрая рука Крылова. Не слава была нужна баснописцу, славы было и без того много. Ему нужно было, чтобы его оставили в покое, подумали, что наступил действительно конец: вот только эти восемь книг басен и все! Больше басен не будет!

Издателя А. Ф. Смирдина не смущало, что ему придется десять лет подряд печатать и продавать книгу одного содержания. Он был уверен в успехе, но решил всячески варьировать внешнюю сторону издания басен.

В том же 1830 году выходит первое смирдинское издание басен Крылова^[44].

Дозволенная цензурой 26 апреля 1830 года, книга, как уже говорилось, выпущена из типографии в августе того же года. В книге 186 басен против 165 в прежних изданиях.

Смирдин предназначал это издание для широких кругов читателей, выпустив его по доступной цене в количестве 12000 экземпляров. Однако почти никто из библиографов не обратил внимания на то, что Смирдин выпустил эту книгу (равно как и несколько последующих ее переизданий) в трех разных форматах: в восьмую долю листа, в двенадцатую и в шестнадцатую, причем для последних форматов набор книги переверстывался заново и количество страниц было уже не 309, а 371. Единственный экземпляр уменьшенного формата издания 1830 года мне довелось видеть в Библиотеке имени В. И. Ленина.

О существовании этой уменьшенной разновидности издания не знали даже старые и очень опытные книгопродавцы. Не упоминались они и в антикварных каталогах и почему-то совсем исчезли с полок букинистических магазинов.

В моем собрании имеется первое смирдинское издание басен 1830 года только в формате восьмой доли листа. В ранние годы моего собирательства книга не считалась особенно редкой.

Несмотря на значительный общий тираж этого издания, Смирдин уже ровно через год имел возможность его повторить. Заглавный лист этого повторного издания в точности воспроизводит заглавный лист издания 1830 года, с переменной даты на год 1831. Цензурное разрешение то же самое, а количество страниц — 266(?).

Повторное издание басен печаталось также в трех форматах, как и предыдущее, и книги уменьшенных форматов также вовсе не попадают в магазинах. Их существование подтверждается «Росписью» Смирдина (11855). Точный тираж не установлен. У меня этого издания нет ни в одном из трех его форматов. Не

видел его и в какой-либо библиотеке.

Следующее издание басен Крылова Смирдин выпускает в 1833 году. Содержание и оформление одинаково с предыдущими изданиями. Количество страниц 297 (а не 296, как указано у А. П. Могилянского). Цензурное разрешение — 26 марта 1833 года. По сведениям, указанным в книготорговых реестрах Смирдина, книга также печаталась тремя форматами. Книг уменьшенных форматов я нигде не видел. Имеющийся у меня экземпляр — в восьмую долю листа. Тираж книги не установлен.

Еще через год, в 1834 году, Смирдин снова повторяет издание басен, с тем же содержанием и оформлением книги. Количество страниц этого издания — 366. Цензурное разрешение от 17 марта 1833 года. Издание выпущено из типографии 6 июня 1834 года. По сведениям, данным в книготорговых реестрах Смирдина, оно печаталось, как и предыдущие, также в трех форматах. У меня имеется это издание в уменьшенном формате в двенадцатую долю листа, с количеством страниц 379. Это издание выполнено с того же набора, что и обычное издание в восьмую долю листа, путем переверстки.

Тираж басен в издании 1834 года тоже не известен. Однако, если взять установленную договором с Крыловым цифру общего тиража всех смирдинских изданий басен в сорок тысяч экземпляров и вычесть из этой цифры сумму тиражей установленных, то на издания 1831, 1833 и 1834 годов падает количество в 15 тысяч экземпляров.

В том же 1834 году Смирдин выпускает новое роскошное иллюстрированное издание басен. Самое содержание книги остается прежним, но Крылов тщательно редактирует издание и располагает басни в ином порядке. Это — одно из лучших смирдинских изданий.

Для иллюстрирования басен Смирдин пригласил художника-гравера А. П. Сапожникова, который изготовил небывалое количество иллюстраций — девяносто три, резаных тецевым контуром^[45].

Цензурное разрешение на книгу было получено 17 марта 1833 года.

Тираж этого издания, отпечатанного на прекрасной бумаге и действительно замечательно иллюстрированного, был всего 2000 экземпляров. Часть их поступила в продажу с раскрашенными от руки гравюрами. Ценились они чрезвычайно высоко — 175 рублей. Экземпляры черные, нераскрашенные, продавались по 25 рублей. Много позже оставшиеся нераспроданными экземпляры с раскрашенными иллюстрациями продавались по 40 рублей. Сейчас они — большая библиографическая редкость. У меня

экземпляр нераскрашенный.

Несмотря на то, что в реестрах Смирдина это издание тоже указывается как вышедшее в трех форматах, большой знаток «крыловианы» С. М. Бабинцев в беседе со мной высказал сомнение — были ли эти уменьшенные экземпляры полностью иллюстрированными? Резать заново доски всех 93 рисунков было дорогостоящей затеей. Не были ли эти уменьшенные экземпляры только с портретом? Кстати, я уменьшенных экземпляров нигде не нашел и не видел.

Как уже говорилось выше, все эти варианты форматов были нужны издателю Смирдину для более успешной продажи книги Крылова, содержание которой оставалось в течение десяти лет неизменным.

Поэтому и следующее издание, 1835 года, Смирдин задумывает выпустить в новом оригинальном формате, на этот раз как издание миниатюрное, в 32-ю долю листа.

В типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг ему отливают особый мелкий шрифт типа нонпарель, удивительно четкий и ясный. Получилась маленькая книжка-игрушка, в очаровательных литографированных, кружевных, синее с белым обложках^[46]. В книжечке был приложен гравированный портрет Ивана Андреевича Крылова.

В. Г. Белинский, всегда отмечавший издательские заслуги Смирдина, восторженно приветствовал появление этой книжечки словами: «Она возбуждает живейшее удивление и живейшую радость как доказательство, что у нас начинает распространяться вкус к красивым изданиям, а вместе с тем и успехи книгопечатания»^[47].

Цензурное разрешение было получено 6 марта 1835 года.

У меня — экземпляр в современном золототисненном марокене с золотым обрезом. Книга очень редка.

Новаторство Смирдина было встречено любителями крыловских басен весьма приветливо, и «тридцатая тысяча» разошлась довольно быстро.

В 1837 году Смирдин решает повторить это миниатюрное издание, но уже в количестве девяти тысяч экземпляров. Оно и по заглавному листу (только с новой датой: 1837 год), и по размеру, и по количеству страниц абсолютно одинаково с книгой издания 1835 года. Только портрет другой, не оленинский, а новый, гравированный на стали, без подписей художника и гравера. Цензурное разрешение от 22 сентября 1837 года.

Каждую из девяти тысяч тиража Смирдин отличает пометой на заглавном листе: тридцать первая тысяча, тридцать вторая, тридцать третья и так далее до тридцать девятой тысячи

включительно.

Кстати, это обстоятельство тоже почему-то прошло мимо внимания библиографов. Я сам заинтересовался этим только потому, что в некоторых каталогах увидел описания разных «тысяч»: в библиотеке Пушкинского Дома — «тридцать первая тысяча», в Библиотеке им. В. И. Ленина — «тридцать третья», у меня — «тридцать вторая». Впрочем, об имеющемся у меня экземпляре этой книги с автографом Крылова подробно рассказывается в следующей главе.

Осталось упомянуть последнее смирдинское издание басен Крылова, отпечатанное только в одном обыкновенном формате в восьмерку, с пометой издателя «сороковая тысяча». Напечатана эта книга в 1840 году и украшена иллюстрациями французского художника Гранвиля. Иллюстрации были заимствованы Смирдиным из парижского издания басен Лафонтена. Они носят случайный характер и имеют отношение к крыловским басням лишь постольку, поскольку у Крылова существовало несколько басен, переведенных им, весьма, впрочем, своеобразно, с лафонтеновских. К книге приложен и портрет И. А. Крылова.

Цензурное разрешение на книгу получено 10 марта 1840 года. Издание было очень дешевым: 1 рубль 45 копеек серебром^[48].

Напечатанное всего в тысяче экземпляров, издание быстро было распродано и тогда же стало редким. Мне удалось раздобыть его с большим трудом. Содержание книги такое же, как и в предыдущих изданиях, но расположение басен новое.

Крылов сам редактировал книгу.

В этом 1840 году, на этой сороковой тысяче экземпляров, кончился договор А. Ф. Смирдина с И. А. Крыловым на десятилетнее право издания его басен.

Издатель А. Ф. Смирдин добросовестно и полностью расплатился с баснописцем, оказавшим ему поддержку в начале издательской деятельности. А. Ф. Смирдину пришлось немало поработать над изданием и распространением книг И. А. Крылова. Сорок тысяч экземпляров для одной и той же книги, даже и за десятилетний срок, были тиражом в то время неслыханным.

В. Г. Белинский писал по этому поводу: «Таким успехом не пользовался на Руси ни один писатель, кроме Ивана Андреевича Крылова».

И с присущей ему прозорливостью В. Г. Белинский предсказывал:

«И будет еще время, когда его басни будут

издаваться за один раз в числе 40000 экземпляров»^[49].

Таким временем явилось наше советское время, когда тиражи книг Ивана — Андреевича Крылова во много раз превысили эти предположения В. Г. Белинского.

На изящной книжечке миниатюрное издание басен Крылова 1837 года (с издательской пометкой «тридцать вторая тысяча») имеется на форзаце собственноручная дарственная надпись автора такого содержания: «Доброй Саше и мужу ее доброму К. С. Савельеву на память И. Крылов. Декабря 5 дня 1837 года».

Экземпляр переплетен в роскошный золототисненый зеленый марокен с золотым обрезом. Переплет — времени издания и работы первоклассного мастера. Видно, что баснописец предназначал подарок дорогим его сердцу людям.

Захотелось точно установить, кто же эти «добрая Саша» и ее муж «добрый К. С. Савельев»?

Современное литературоведение осуждает увлечение биографическими и библиографическими подробностями. Несомненно, что принципиального значения для науки эти подробности не имеют, но мне думается, что полное пренебрежение к ним также ничем не оправдано.

В книге И. В. Сергеева, выпущенной издательством «Молодая гвардия» в Москве в 1945 году и посвященной жизнеописанию Крылова, я на странице 192 прочитал:

«Потом он (Крылов. — Н. С.-С.) вспомнил, что когда-то крестил дочь своего давнего знакомого Савельева. Иван Андреевич разыскал крестницу. Она жила в нужде, похоронив недавно своего мужа и оставшись с несколькими детьми на руках. Иван Андреевич усыновил всю семью...»

Я позволил себе сообщить писателю об имеющейся у меня дарственной надписи баснописца, и И. В. Сергеев, убедившись, что упоминаемый в ней К. С. Савельев никак не мог в одно и то же время быть и отцом и мужем крестницы Ивана Андреевича, исправил эту свою ошибку во втором издании книги, вышедшей в 1955 году^[50].

Впрочем, о существовании крестницы Крылова Саши и мужа ее К. С. Савельева биографам баснописца было известно давно.

В наиболее полном жизнеописании И. А. Крылова, составленном лично знавшим его П. А. Плетневым, говорится о том, что Крылов прожил всю свою долгую жизнь одиноким холостяком, и после смерти его «не осталось родственников, кроме усыновленного им семейства крестницы его Савельевой»^[51].

Никаких подробностей об этой крестнице (год ее рождения 1814 или 1815) П. А. Плетнев не приводит, и только по разбросанным в его работе мелким фактам можно установить, что это была та самая «девочка, которая, проходя иногда с песенкой из кухни через залу, приносила без подсвечника восковую тоненькую свечку, накапывала воску на стол и ставила огонь (для прикуривания сигар) перед неприхотливым господином своим».

П. А. Плетнев поясняет также, что на казенной квартире при Публичной библиотеке у Крылова «прислуга состояла из наемной женщины с девочкой, ее дочерью».

Имя этой женщины можно узнать уже у другого биографа Крылова — В. М. Княжевича, который рассказывает, что когда пятидесятилетний Крылов на пари с другом своим переводчиком «Илиады» Н. Гнедичем начал изучать греческий язык и купил для этого книг греческих классиков, то он и свою экономку Фенюшку научил узнавать эти книги. «Подай мне Ксенофонта, — говорил он, — подай „Илиаду“, „Одиссею“ Гомера!» — и она подавала безошибочно^[52].

Дочка этой самой Фенюшки — Саша и была крестницей баснописца, или той самой «девочкой, которая, проходя иногда с песенкой из кухни через залу», приносила ему свечку для прикуривания сигар. Никаких подробностей о том, кто был отец этой девочки и куда потом исчезла мать ее Фенюшка, ни один биограф Крылова не сообщает.

Известно только, что девочка — крестница Крылова Саша выросла, вышла замуж (примерно в 1833–1834 годах) за чиновника К. С. Савельева, и уже ее дети окружили старого, подводящего итоги дней своих баснописца тем семейным уютом, которого он был лишен долгие годы жизни.

П. А. Плетнев сообщает, что, выйдя в 1841 году в отставку и освободив казенную квартиру при Публичной библиотеке, Крылов поселился на Васильевском Острове, «усыновив семейство крестницы своей, которое и поместил на квартире с собою».

«Ему весело было, — пишет П. А. Плетнев, — когда около него играли дети, с которыми дома обедал он и чай пил. Девочка по имени Наденька особенно утешала его. Ее понятливость и способности к музыке часто выхвалял он, как нечто необыкновенное».

В присутствии своей крестницы Саши, ее сына, дочери и мужа Иван Андреевич Крылов и умер. Мужу крестницы, К. С. Савельеву, баснописец еще при жизни вручил все свои рукописи, письма и бумаги, которые наследник в 1877 году посчитал долгом передать в Академию наук.

Необыкновенная привязанность И. А. Крылова к своей

крестнице Саше и ее семейству, странное замалчивание каких-либо подробностей этой стороны жизни баснописца современными ему биографами заставили меня несколько насторожиться и критически отнестись к сообщаемым ими фактам.

Что-то тут показалось мне не совсем ясным.

Особенно остановила мое внимание заметка в газете «Северная пчела» (1847 год, № 22), в которой устами некоего «приятеля Крылова, известного художника из Твери» в порядке воспоминаний рассказывалось о следующем любопытном эпизоде:

«Я зашел однажды к Ивану Андреевичу и обошел все комнаты. 8 них не было ни одной живой души. Плач ребенка привел меня на кухню. Я полагал найти в ней кого-либо из немногочисленных слуг его, но нашел самого хозяина. Он сидел на простой скамейке. В колыбели перед ним лежал ребенок, неугомонно кричавший. Иван Андреевич с отеческой заботливостью качал его и прибаюкивал. На спрос мой — давно ли он занимается этим ремеслом — Крылов преспокойно ответил: „Что ж делать? Негодяи, отец и мать, бросили на мои руки бедного ребенка, а сами ушли бог знает куда!“ — Иван Андреевич продолжал усердно исполнять обязанности няньки до тех пор, пока не возвратилась мать».

Сопоставив уже известные факты, не трудно было предположить, что «неугомонно кричавший ребенок», которого нежно нянчил Иван Андреевич, была девочка Саша, будущая Савельева, а родители ее вовсе не «ушли бог знает куда», а были весьма недалеко: мать Фенюшка, пребывавшая у Крылова якобы в качестве экономки, тут же, как явствует из заметки, вернулась, а отец просто никуда и не уходил — это был сам И. А. Крылов.

Однако такое предположение необходимо было подтвердить документально. С помощью крылововеда С. М. Бабинцева мне удалось познакомиться с материалами из архива цензора А. В. Никитенко, находящимися в Пушкинском Доме Академии наук СССР. Здесь хранятся рукописные, до сих пор не опубликованные воспоминания М. А. Корфа, где прямо говорится: «Крылов никогда не был женат, но имел дочь, которую выдал замуж за служившего в этом Штабе (речь идет о Штабе военно-учебных заведений. — Н. С.-С.) чиновника...» Это уже было прямым подтверждением догадки.

Еще более любопытный документ нашелся в Рукописном

отделе Государственной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это — подлинник завещания И. А. Крылова, подписанного им за день до своей кончины. Завещание было мною впервые опубликовано в 1952 году в томе 58 «Литературного наследства». Считаю необходимым привести его полностью и здесь:

«Тысяча восемьсот сорок четвертого года, ноября восьмого дня, я нижеподписавшийся в твердом уме и совершенной памяти, статский советник и кавалер Иван Андреевич сын Крылов, не имея никаких родственников, никому не состоя по актам и без актов по сие число должным, и видя всегдашнее полное уважение, преданность, искреннее ко мне и всегдашнее усердие и услуги во всем, до меня относящемуся, Штаба его императорского высочества главного начальника военно-учебных заведений аудитора — Калистрата Савельева, сим моим духовным завещанием завещаю: в вечную его собственность и владение все благоприобретенное мною имение, движимое и недвижимое, состоящее как то: петербургской части 2 квартала под № 487 каменный дом, со всеми при нем строениями и землею, а равно капитал, состоящий в банковых билетах и по каким-либо другим актам и без актов в долгах, все, что окажется; сверх того: находящиеся в квартире моей все вещи, как то: серебро, всякого рода посуда и все без исключения вещи, экипажи, лошади, а также написанные мною в продолжении жизни басни и прочие сочинения, с правом издавать в продолжении двадцати пяти лет со дня моей смерти; одним словом, все, что состоит в моей собственности и моем владении, я, Иван Крылов, после смерти моей предоставляю в полное распоряжение и вечное владение Калистрата Савельевича Савельева, но при жизни моей, в случаях какого-либо неуважения его ко мне, предоставляю себе право сие мое духовное завещание или изменить, или переменить, или совершенно уничтожить, а после подписи оного духовным моим отцом и свидетелями — прошу хранить оное до смерти моей его превосходительство генерал-майора Якова Ивановича Ростовцева.

Писал со слов завещателя Белевский купеческий сын Михаил Иванов сын Щукин. Подпись:

*Статский Советник и кавалер Иван Андреев сын
Крылов.*

Что духовное сие завещание писано завещателем Иваном Андреевичем Крыловым в здравом уме, светлой памяти и чувствах о том свидетельствую — духовный его отец Морского собора протоиерей Тимофей Никольский.

У сего духовного завещания свидетелем был и руку приложил — коллежский советник и кавалер Сергей Сергеев сын Шилов. У сего духовного завещания свидетелем был и руку приложил — коллежский асессор и доктор медицины Фердинанд Яковлев сын Галлер. У сего духовного завещания свидетелем был и руку приложил — почетный гражданин опочечкий 2-ой гильдии купец и кавалер Василий Михайлов Калчин»^[53].

Документ этот не только содержит новые фактические данные для биографии Крылова, но и приоткрывает завесу над трагической стороной личной жизни великого баснописца.

Родившись в бедной офицерской семье, Иван Андреевич Крылов и по духу, и по воспитанию своему принадлежал к простому народу. Нам известно, что брат баснописца, горячо им любимый Левушка, несмотря на офицерский чин, был удивительно скромен и в быту мало чем отличался от рядового солдата. Интересы его не шли дальше хутора, хозяйства. Он обожал своего великого брата, которого именовал «тятенькой».

Баснописцу, при его связях, совсем не трудно было бы предоставить место брату в столице. Но Иван Андреевич понимал, что самому Левушке это не было нужно, а фигура его вряд ли будет соответствовать тому положению, которое занимал в столице ставший уже знаменитостью баснописец. Крылов решает оставить своего брата в провинции, трогательно заботясь о его материальном благополучии.

Но свое «положение» (а оно было исключительным: Крылов запросто принимался в высших и даже в придворных кругах) Иван Андреевич создавал вовсе не ради, самого «положения». Крылов знал иену своим покровителям и всем своим творчеством доказал, что и жизнь его и его искусство с первых же шагов предназначались служению народу.

Случайно уцелев еще при разгроме Радищева, он понял, что «плетью обуха не перешибешь» и сказать свое слово народу надо каким-то иным, отличным от радищевского путем.

Он надевает на себя маску добродушного, беспечного, ленивого чудака-холостяка, от скуки пописывающего какие-то забавные басни, но на самом деле больше всего любящего поросенка с кашей.

Только таким его и приняли высшие и придворные круги, и

только такому Крылову прощали его меткие стрелы сатиры. Басни его рассматривались как талантливое чудачество оригинала.

Крылов сам распространял анекдоты о своей лени, о своей беспечности, о своей любви покушать. Это были элементы маскировки, которая усыпляла настороженность царского правительства, давала некоторое подобие свободы творчества.

Но не всех И. А. Крылову удалось обмануть. Так, например, князь П. А. Вяземский писал о нем: «Крылов был вовсе не беззаботливый, рассеянный и до ребячества простосердечный Лафонтен, каким слывет он у нас... Но во всем и всегда был он, что называется, себе на уме... Басни и были именно призванием его, как по врожденному дарованию, о котором он сам даже, как будто, не догадывался, так и по трудной житейской школе, через которую он прошел. Здесь и мог он вполне быть себе на уме; здесь мог он говорить, не проговариваясь; мог под личиной зверя, касаться вопросов, обстоятельств, личностей, до которых, может быть, не хватило бы духа прямо доходить»^[54].

Весьма вероятно, что кроме Вяземского Крылова «раскусили» и другие, но они молчали.

Когда-то в дни молодости Иван Андреевич Крылов придумал для себя псевдоним «Нави Волырк». Если прочесть эти слова наоборот, то получится «Иван Крылов». Таким «человеком наоборот» и прожил свою долгую жизнь баснописец.

Жизнь эта была нелегка. Прославивший ленивцем, которому якобы трудно даже поправить криво висящую над его головой картину, Иван Андреевич на самом деле был великим тружеником.

Тяжелее всего было построить «наоборот» личную семейную жизнь. Ну на ком Иван Андреевич мог бы жениться? Взять в жены девицу из высшего круга, от которого он зависел, — нельзя. Девица эта была бы ему чужда по духу и мешала бы цели, поставленной перед собой баснописцем.

Жениться же на полюбившейся простой и близкой Фенюшке — тоже нельзя, так как ее не покажешь на приемах у Олениных, как не покажешь и брата Левушку.

И семейная жизнь баснописца строится так же «вполоткрыто». Фенюшка поселяется у Крылова не как жена, а как якобы экономка. Родилась дочка — но она не дочка, а якобы крестница.

Причины, по которым И. А. Крылов не узаконил своего брака, понятны. Но и к жене и к дочери он относился высокоблагородно и честно. Дочь свою он нянчит и баюкает в колыбели, воспитывает ее, выдает замуж, проводит с ней и своими внуками последние годы жизни, а, умирая, оставляет ее семье все свое

состояние, честно заработанное литературным трудом, отданным на служение родному народу.

Все, кроме своего имени, отдает Крылов дочери. Имя он отдать не может: брак его «не освящен законом».

В волчье время жил великий баснописец...

Даже и имущество опасно было отдать непосредственно самой дочери, так как она «внебрачная».

И завещание составляется, как мы видим, не на имя дочери, а на имя ее мужа «аудитора штаба военно-учебных заведений» К. С. Савельева, якобы «видя его всегдашнее полное уважение, преданность, искренность и всегдашнее усердие и услуги».

Все это тоже «Нави Волырк», тоже наоборот, «вполоткрыто». Муж дочери К. С. Савельев становится собственником имущества Крылова, потому что его юридическое положение в жизни бесспорно.

И. А. Крылов хорошо знал, как могли бы отнестись высокопоставленные «покровители» к его внебрачной дочери. Под ханжеской маской ревнителей нравственности они при случае были бы способны и вовсе отсудить наследство.

Предупреждающая фраза в завещании о том, что в случае «неуважения», могущего быть оказанным наследником К. С. Савельевым к завещателю, завещание аннулируется, касается вовсе не отношения К. С. Савельева к самому Ивану Андреевичу Крылову. Какое неуважение мог проявить к нему К. С. Савельев?

Фразой этой старик-отец, поставленный законами своего времени в безвыходное положение, символически еще раз взывал к честности и порядочности юридического получателя наследства.

Становится понятным и то, почему душеприказчиком своим Иван Андреевич назначил отнюдь не близкого ему по убеждениям генерал-майора Я. И. Ростовцева. Этот генерал был начальником того Штаба военно-учебных заведений, «аудитором» в котором служил муж дочери Крылова — К. С. Савельев. Этим самым Крылов-отец как бы обязывал и начальника проследить, чтобы подчиненный ему К. С. Савельев как-нибудь не обидел любимое детище завещателя.

Иван Андреевич Крылов за свою долгую жизнь имел великое множество оснований не особенно доверять людям.

К счастью, К. С. Савельев оказался весьма порядочным человеком, заботился о семье и о памяти Ивана Андреевича Крылова.

Что же касается отношений к семье Савельевых ближайших «друзей и высокопоставленных покровителей» покойного Ивана Андреевича, то здесь опасения завещателя были явно не лишены

оснований. Многие из этих «друзей и покровителей» относились весьма насмешливо к дочери Крылова и к ее мужу.

Дочь называли между собой «последней неудавшейся басней Крылова», «крыловской притчей», «Миликтрисой Кирбитьевной» и так далее.

Эту печальную истину пришлось узнать из одного чрезвычайно любопытного письма, которое удалось найти в архиве А. Н. Оленина.

Письмо написано после смерти Крылова его сослуживцем по библиотеке М. Лобановым к дочери «покровителя» баснописца А. Н. Оленина — Варваре Алексеевне Олениной, слывшей ближайшим другом Крылова. Таким же другом считал себя и автор письма М. Лобанов.

Вот его письмо:

«Я виноват перед Вами, вы верно поплакали от некоторых моих строк: такая уж моя натура, а еще я нарочно писал железным пером. Не удастся ли мне вас рассмешить, хоть это совсем не мой талант, дай попробую. Потрудитесь перевернуть листок.

Приключение:

Был я у почтенной Миликтрисы Кирбитьевны и бил ей челом. Она, с огромным на голове страусовым пером, вероятно собираясь делать визиты, сидела (извините) растопырой на диване. Два кавалера с цыгарками в зубах (то были кантонисты) громко беседовали с нею и звучно хохотали; но голос Миликтрисы Кирбитьевны, как расстроенная литавра, раздавался по всем залам покойного нашего друга. Супруг в безмолвии, раболепно и со страхом возводил иногда очи на эту притчу самого последнего издания, и увы! сто раз увы! мы знаем ее издателя.

Вошедши, я оцепенел, уста мои безмолвствовали. Я отвел раболепного в другую комнату и начал ему говорить о бюстах и о хрустальной кружке; но чуткая на ухо возопила.

Притча: Что, что такое? Бр... бр... бр...

Супруг: Ничего, ничего... После...

Притча: Как ничего? Бюсты, кружки... Бр... бр... бр...

Супруг: Да, их желает иметь В[арвара] А[лексеевна].

Притча: А на что это ей? Бр... бр... бр...

Супруг: Да ведь ты знаешь как она любила...

Притча: (громко): Вот забавно! Отнимать? Бр... бр... бр...

Тогда уж и я дерзнул возвысить робкий мой голос:

— Нет не отнимать; она предлагает вам деньги. Не откажите милостивая государыня, Миликтриса Кирбитьевна! Ведь это приятно было иметь покойнику, а вам что в этом?

Притча, вытянув вершка на три губы, пробормотала что-то сквозь зубы, грозно взглянула на супруга и с шумом скрылась от очей наших. Супруг смущенный, оторопелый и аки петух, облитый проливным дождем, старался приосаниться и робко промолвил: Будет исполнено, будет исполнено.

Это случилось за месяц перед сим; кажется Притча выбралась на другую квартиру; следовательно о последствиях сей конференции будет вам сообщено в свое время.

Примечание: Если вы не рассмеялись, с отчаяния никогда ничего не буду вам рассказывать, право не буду.

Постскрипtum: Мне нужно взглянуть на переводы басен Ив[ана] Ан[дреевича], изданные в чужих краях Гр. Орловым; вероятно они есть у вас, одолжите меня присылкою их. Разобраны ли наконец бумаги Ал[ексея] Ник[олаевича]? И не нашлось ли еще чего-нибудь о Крылове?» (примерная дата написания 1845–1846 годы) [55].

Таково это отнюдь не веселое письмо. Надо ли разъяснять, что «Притча» и «Миликтриса Кирбитьевна» — дочь Ивана Андреевича Крылова, «раболопный супруг» — К. С. Савельев и что речь идет о каких-то бюстах и кружке, по-видимому подаренных Лениной в свое время баснописцу, но теперь, по ее мнению, не достойных, находиться в руках его дочери. Оленина не прочь даже выкупить свои подарки.

Любопытно, что Оленина любила делать на всех получаемых ею письмах собственноручные замечания, тут же, над тем словом или той фразой, которые почему-либо остановили ее внимание.

На этом письме она сделала два таких замечания, весьма характерных. Над фразой Лобанова, в которой он называет Крылова «покойным нашим другом» — Варвара Алексеевна надписала: «Бедный (Лобанов. — Н. С.-С.) ошибался. Крылов никогда не был ему другом и часто его подтрунивал. Они жили в одном доме, принадлежащем библиотеке».

Другое замечание Олениной сделано над фразой Лобанова, намекающей, что «Притча»- дочь Крылова. Он пишет: «Мы знаем ее издателя». Над этими словами Оленина делает примечание: «Это ошибочно. И. А. Крылов сам мне говорил, что она ему не дочь, а прикидывается».

Немудрой Варваре Алексеевне Олениной было невдомек, что говорил это ей не Иван Крылов, а «Нави Волырк», что Ивана Андреевича и в этом надо было понимать наоборот.

Какую глубокую личную трагедию должен был переживать великий баснописец, если о собственной дочери вынужден был говорить, что она «ею только прикидывается».

Тяжело, невыносимо тяжело было прожить жизнь «Нави Волырк'ом»!

Тяжело, но нужно. Только так и удалось стать Ивану Андреевичу Крылову честью, славой и гордостью нашей литературы.

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА БАСЕН

Все годы, пока А. Ф. Смирдин печатал и продавал первые восемь частей его басен, И. А. Крылов, как всегда не торопясь, писал новые, подготавливая следующую, девятую часть. Новых басен, впрочем, было немного, и Крылов, чтобы не обижать Смирдина, почти все их предварительно напечатал в смирдинских же альманахах «Новоселье» (1833–1834), в журнале «Библиотека для чтения» (1834 и 1835), в сборнике «Сто русских литераторов» (1841).

В 1836 году на придворном маскараде Крылов лично у Николая I испрашивает разрешение на напечатание басни «Вельможа». Цензура что-то над этой басней задумалась, а Крылов этого не любил. Цензуре только дай потачку! И так застряли басни «Пестрые овцы», «Пир», кое-что другое. Исковеркан «Парнас», многое испортил своими советами Оленин. Что и говорить, «худые песни соловью в когтях у кошки...».

А басня «Вельможа», между прочим, тоже злая-презлая... В. Г. Белинский перепечатал ее целиком в своей рецензии и восторженно заявил, что «...талант Крылова еще удивляет своей силой и свежестью: для него нет старости!»^[56]

Окончательно умолкает И. А. Крылов лишь после того, как 1 февраля 1837 года в 11 часов утра он вместе с Жуковским и Вяземским выносит из церкви гроб с телом поэта, которого с первых шагов его считал гениальным, — гроб с телом А. С. Пушкина.

Гибель Пушкина глубоко потрясла баснописца. На заре своей писательской жизни Крылов был свидетелем гибели А. Н. Радищева и Н. И. Новикова, совсем недавно трагический конец А. С. Грибоедова и вот сейчас похоронил Пушкина.

Крылов устал хоронить...

И Иван Андреевич решает, что пора ему подводить итоги. Свое писательское слово он сумел сказать до конца, сумел не сгореть, не погибнуть. Разве кто знает, какой ценой заплатил он за это?

Через год после смерти Пушкина Крылову был устроен пышный юбилей в ознаменование пятидесятилетия его литературного труда. Царь был несколько обеспокоен упорными слухами о том, что в гибели Пушкина замешано его «августейшее имя», и решил устройством крыловского юбилея доказать сколь якобы высоко «его величество» ценит литературу.

Пышное празднование и торжественный обед в честь Крылова должны были состояться под руководством верноподданных

лакеев — Фаддея Булгарина и Николая Греча. Но в дело вмешались многочисленные друзья баснописца и все «испортили». Достаточно сказать, что В. А. Жуковский, например, провозгласил тост с упоминанием имени Пушкина! Царь бесился от злости...

Но, конечно, не только подлинные друзья баснописца спасли его юбилей и помогли превратить расчетливую чиновничью затею в общественно-литературный праздник. Помогла всенародная слава Крылова.

Не получилось из юбилея Крылова той подлой ширмы, на которую так рассчитывал царь. Наоборот, еще раз была подчеркнута неблагоприятная роль Николая I в жизни русской литературы.

Когда у самого Крылова спрашивали — понравился ли ему юбилей, Иван Андреевич, не забывая, что он все еще «Нави Волырк», охотно распространялся исключительно лишь об обеде.

«А обед то был — такого и не видывал, — лукаво улыбаясь говорил он, — икра свежая — зерно великан, а балык, семга, как весенний снег таяли... Все тут было. Беда только в том, что по усам текло, а в рот не попало... Ведь мне все время кланяться и благодарить приходилось или выслушивать и ответ готовить. Так и пропал обед — и какой обед!»^[57]

Вот все, что рассказывал сам Крылов о своем юбилее. Он и в этом случае считал необходимым прятать свои истинные мысли и чувства.

Но писать и работать дальше — нет, он уже не будет. У него накопилось одиннадцать басен, ровно на новую, девятую по счету часть. Да и первые восемь частей у Смирдина уже почти все разошлись. Вот и дело для старого баснописца! Привести басни в порядок, еще раз тщательно отредактировать и издать все девять частей — вместе, заново.

И. А. Крылов решает сам издать свою последнюю книгу. У генерал-майора Я. И. Ростовцева, начальника Штаба военно-учебных заведений, в котором служил муж дочери Крылова Сашеньки — К. С. Савельев, при штабе есть типография. Люди свои — помогут!

В начале 1843 года Крылов сдает в эту типографию свое последнее полное собрание басен. В Цензурный комитет книга поступает 30 июня того же года, разрешение подписывается в тот же день. Книга выходит из печати 8 декабря 1843 года^[58].

Книга была напечатана просто, без всяких украшений. Тираж ее — 12 000 экземпляров.

Но Крылов не торопился пускать книгу в продажу. Она долго лежит на складе типографии. Может быть, об этом просит

Смирдин — ему надо дораспродать оставшиеся предыдущие издания. Во всяком случае, объявлений о продаже новой книги не появляется. Они запестрели в газетах только после смерти баснописца.

Зато Крылов широко дарит экземпляры своей новой книги. Один он посылает В. Г. Белинскому, и тот уже в феврале 1844 года в «Отечественных записках» пишет на нее чудесную рецензию. Друзей у Ивана Андреевича много. Настолько много, что, по преклонным годам своим, он уже не в силах делать полностью дарственные надписи на рассылаемых в подарок книгах.

Имя, отчество и фамилию лица, которому посылается подарок, по продиктованному Крыловым списку пишет зять — К. С. Савельев. Иван Андреевич только подписывает: «Сочинитель И. Крылов». Как раз такой именно экземпляр, с таким «коллективным» автографом, попал в мою библиотеку: «Петру Андреевичу Шнору» надписано рукой К. С. Савельева, а рукой И. А. Крылова: «Сочинитель И. Крылов».

Кто такой Петр Андреевич Шнор — точно установить не удалось. Очевидно, это потомок того самого И. Шнора, типографщика, у которого А. Н. Радищев купил шрифт и станок для печатания «Путешествия из Петербурга в Москву». У Шнора сам Крылов печатан когда-то свою «Оду на мир».

У меня есть и другой экземпляр последней книги И. А. Крылова. Печальный экземпляр. Умирая, баснописец распорядился раздарить как можно больше экземпляров его последней книги. Он не прочь, чтобы роздали и весь тираж бесплатно, «на память».

Воля покойного была частично исполнена. Свыше тысячи экземпляров книги было разослано знакомым и незнакомым. Была отпечатана специальная обложка, на которой в траурной рамке значилось:

«Приношение. На память об Иване Андреевиче. По его желанию. Басни И. А. Крылова. Спб. 1844. 9-го ноября 3/4 8-го утром».

В экземпляре, находящемся у меня, вклеен еще добавочный лист несколько меньшего размера и тоже в траурной рамке. На этом листе напечатано:

«9-го сего ноября, в исходе осьмого утром, скончался Иван Андреевич Крылов. По неимению у И. А. родственников, душеприказчик его имеет честь покорнейше вас просить: почтить погребение его тела,

13-го ноября, в понедельник, вашим присутствием. Вынос назначен из церкви св. Исаакия Далматского, в 10-ть часов утра, а отпевание в Александро-Невской Лавре».

Экземпляры с этим листом разослал душеприказчик И. А. Крылова — генерал-майор Я. И. Ростовцев. Разослал только тем, кого желал видеть на похоронах. Преимущественно это были официальные и именитые лица. И им в этом приглашении на похороны баснописца напечатали правду не полностью: родственники, как мы знаем, у Ивана Андреевича были. Была дочь, были внуки и зять. Но это были дочь, внуки и зять того Ивана Крылова, которого знали только немногие. Известный всем «статский советник и кавалер Иван Андреев сын Крылов», он же «Нави Волырк» — родственников никаких не имел...

Это на похороны «статского советника и кавалера» государь-император «повелеть соизволил исчисленную сумму девять тысяч рублей ассигнациями отпустить из государственного казначейства».

Это бранные остатки такого Крылова несли в Александро-Невскую лавру невиданная по пышности процессия. Генеральские эполеты, шитые золотом чиновничьи мундиры, сверкающие ризы митрополитов оттесняли от гроба писателя простой народ, ради которого он жил и творил. Но так заканчивалось бытие «Нави Волырк'а».

Великий русский народный баснописец Иван Андреевич Крылов в это утро входил в бессмертие.

ПРИМЕЧАНИЯ

.

notes

Примечания

Брюсов В. Избр. произведения, т. 1. М.; Л.: ГИЗ, 1926, с. 171.

Некрасов Н. А. Стих. «Букинист и библиограф».

Утренние часы. Еженедельное издание. Ч. I–IV. Спб., печатано с указного дозволения, 1788–1789. Ч. 1. 208, 8 ненум. с.; ч. II, 208, 6 ненум. с.; ч. IV, 208, 4 ненум. с. 8®

Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952, с. 537.

Витберг Ф. А. Первые басни И. А. Крылова. СПб., 1900.

Подробнее о деле И. Г. Рахманинова — см. диссертацию И. М. Полонской: И. Г. Рахманинов. Из истории русского книгоиздательства конца XVIII века. (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Жихарев С. П. Записки современника, т. 2. М.; Л., 1934, с. 71.

Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1935, с. 170.

Почта духов, ежемесячное издание, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами. Печатано с дозволения указного. Спб., 1789. Ч. I–II. Ч. I. 8 нenum., V, 302 с., ч. II. 6 нenum., 320 с. 8®.

И. А. Крылов. Исследования и материалы. М.: Огиз, 1947.
Статья Д. Благого «Сатирическая проза Крылова», с. 11.

Почта духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами. Ч. I–IV. С дозволения Спб. цензуры. Спб., печатано в Имп. типографии, 1802 года. Ч. I. Загл. л., IV, 178 с.; ч. II. Загл. л., 2 ненум., 181 с.; ч. III. Загл. л. 186 с., 2 ненум. с.; ч. IV. Загл. л., 180 с., 2 ненум. с. 12®.

М., 1954. (Моск. гос. библиотеч. ин-т). См. также: Полонская И. К биографии И. А. Крылова. Труды (Гос. б-ка СССР им. Ленина), т. 2, 1958, с. 67.

Ода всепресветлейшей державнейшей великой государыне Екатерине Алексеевне самодержице всероссийской на заключение мира России со Швецией, которую всеподданнейше приносит Иван Крылов дня августа 1790 года. В Спб-ге, напечатано с дозволения указного у И. К. Шнора. 10 с., включая загл. л. 4®.

Зритель. Ежемесячное издание 1792 года. Спб., 1792. В тип. г. Крылова с товарищи. Ч. I–III. Ч. I. (Месяцы: февраль — апрель). 250,5 нenum. с. (список подписавшихся); ч. II. (Месяцы: май — август). 326, 2 нenum, с.; ч. III. (Месяцы: сентябрь — декабрь). 313, 7 нenum. с. 8®. Л.

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Спб., 1866, с. 33.

С.-Петербургский Меркурий, ежемесячное издание 1793 года. Ч. I–IV. Спб., тип. И. Крылова с товарищи, 1793. Ч. I. (Январь — март). 263 с., ч. II. (Апрель — июнь). 250 с.; ч. III. (Июль — сентябрь). 270 с.; ч. IV. (Октябрь — декабрь). Пфлф имп. Акад. наук. 258, 5 нenum. с. 8®.

«Русский библиофил», 1914, № 6 — В. П. Семенников.
Материалы, с. 54.

1. Бешеная семья. Комическая опера в 3-х действиях Ивана Крылова. Спб., при имп. Акад. наук, 1793. 74 с. 8®. Цена 2 р. 50 к. Роспись Плавильщикова, № 6001; Смирдин, № 7646.

2. Проказники. Комедия в 5-ти действиях Ивана Крылова. Спб., при имп. Акад. наук, 1793. 165 с. 8®. Цена 5 р. — Сопиков В. С. Опыт Российской библиографии, № 5574.

3. Сочинитель в прихожей. Комедия в 3-х действиях Ивана Крылова. Спб., При имп. Акад. наук, 1794. 80 с. 8®. Цена 2 р. — Сопиков, № 5632.

Лобанов М. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Спб., 1847, с. 9.

Американцы. Опера комическая в 2-х действиях. Музыка г. Фомина. Спб., тип. при Губ. правлении, 1800. 96 с. 12®.

1. Модная лавка. Комедия в 3-х действиях И. А. Крылова. С дозв. Спб-кого Цензур. Комитета. Спб., в театральной типографии, 1807. 156. 12®. То же. Изд. 2-е. Спб., тип. имп. театра, 1816. 152 с. 12®.

2. Урок дочкам. Комедия в одном действии. И. А. Крылова. С дозвол. Спб-ского Цензур. Комитета. Спб., тип. имп. театров, 1807.

То же. Изд. 2-е. Спб., тип. имп. театров, 1816. 92, 2 ненум. с. 12®.

3. Илья богатырь. Волшебная опера в 4-х действиях Ивана Крылова. Спб., тип. имп. театров, 1807, 133 с. 12®.

Эти слова приводятся во всех биографиях И. А. Крылова.

Драматический вестник. Ч. I–IV. Спб., тип. имп. театров, 1808. Ч. I. (№ 1–26). 216, 4 ненум. с.; ч. II. (№ 27–52). 208. 4 ненум. с.; ч. III. (№ 53–78). 200, 2 ненум. с.; ч. IV. (№ 79–93). 120 с. 8®.

На 93 номере журнал прекратился, хотя должно было быть 104 номера, по два в неделю. Одновременно с выходом номеров журнала к нему давалось приложение (также тетрадями), которые составили вместе пятую и шестую части. Описание их таково:

Драматический вестник. Ч. V, содержащая в себе прибавления, относящиеся до наук, словесности и художеств вообще. Спб., в тип. имп. театра, 1808. Иллюстрации: 2 складных гравир. л. с изображением вооружения римлян и земледельческих орудий. 184, 4 ненум. с. 8®.

То же. Ч. VI. 86 с. — Без загл. л. 8®.

Крылов И. Басни. Спб., тип. Губ. правления, 1809. Загл. л. 54,
2 нум. с. (оглавление). 8® (21x14 см).

«Русский архив», 1865, с. 1323.

Крылов И. Новые басни. Спб., в тип. Губ. правления, 1811. Загл. л., 2 нenum., 41, 1 нenum. с. 8[®] (21 X 14 см). Тираж книги 1200 экземпляров. В ней напечатана 21 новая басня.

Крылов И. Басни. Вновь выправленные. Вторым тиснением. Спб., в тип. Губ., правления, 1811. Загл. л., 2 ненум., 48 с. 8® (20x12 см).

«Библиографические записки», 1859, т. 2, стб. 419.

Крылов И. Басни. В трех частях. Ч. I–III. Спб., в тип. Правит. Сената, 1815. 6 нenum., 47, 4 нenum., 41, 4 нenum., 41 с. 8® (23x14 см).

Иллюстрации: 1. Фронтиспис «Езоп — Лафонтен», рис. И. Иванов, грав. М. Иванов. 2. Грав. загл. лист, с теми же подписями. 3. Виньетка в тексте «Амуры», рис. И. Иванов, грав. Кулыбин. 4. Гравюра на отд. листе «Вороний суп», рис. И. Иванов, грав. Галактионов. 5. Виньетка в тексте «Квартет», рис. И. Иванов, грав. Кулыбин. 6. Виньетка в тексте «Кот и повар», рис. И. Иванов, грав. Галактионов. 7. Гравюра на отд. листе «Осел и соловей», рис. И. Иванов, грав. М. Иванов. 8. Виньетка в тексте «Орел и паук», рис. И. Иванов, грав. Кулыбин. 9. Виньетка в тексте «Ручей», рис. И. Иванов, грав. А. Петров. 10. Гравюра на отд. листе «Безбожники», рис. И. Иванов, грав. Галактионов. 11. Виньетка в тексте «Демьянова уха», рис. И. Иванов, грав. М. Иванов. Все с монограммой «А. О.».

Верещагин В. А. Русские иллюстрированные издания. Спб., 1896, № 412–413.

Кеневич В. Примечания к басням Крылова. Изд. 2-е. Спб., 1878, с. 347.

1. Крылов И. А. Новые басни. Часть четвертая. Иждивением содержателя типографии А. Похорского. Спб., в тип. имп. театра, 1816. Гравир. портрет автора. Рис. Кипренский, грав. Уткин. Шмуцтитул, загл. л., 2 ненум. (оглавление), 39 с. 8®.

2. То же. Часть пятая. Спб., в тип. имп. театра, 1816. Шмуцтитул, загл. Л., 37, 2 ненум. с. (оглавление). 8®.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940, с. 504.

Книга М. Лобанова, указанная в примечании 19.

Крылов И. А. Три новые басни, читанные в торжественном собрании Императорской Публичной библиотеки января 2 дня сего года. Спб., в тип. имп. театра, 1817. 13 с., включая шмуцтитул и загл. л. 8®.

Имп. Публичная библиотека за сто лет. Спб., 1914, с. 78.

Крылов И. А. Басни в шести частях. Ч. I–VI. Изданием
содержателя театральной типографии Александра Похорского.
Спб., в тип. имп. театра, 4819. Шмуцтитул, загл. л., нenum., 114, 2
нenum. с., новый загл. л. (четвертой части), 95, 1 нenum. с. 8®.
Наличие особого заглавного листа к четвертой части объясняется
желанием книгопродавцев продавать издание непременно двумя
томиками: в одном — первые три части, в другом — три
последующие. Это помогало продаже.

Крылов И. Басни в семи книгах. Новое, исправленное и пополненное издание. Спб., у книгопродавца Ивана Сленина, тип. Департамента нар. просвещения, 1825. Загл. л., 2 ненум., 312 с. 8®.

Иллюстрации: 1. Портрет Крылова, рис. П. Оленин, грав. Ив. Фридриц. 2. Гравир. загл. л. с виньеткой, рис. И. Иванов, грав. С. Галактионов. 3. Гравюра «Конь и всадник», рис. А. Зауервейд, грав. И. Ческий. 4. Гравюра «Собачья дружба», рис. И. Иванов, грав. Ф. Иордан. 5. Гравюра «Фортуна и нищий», рис. И. Иванов, грав. С. Галактионов. 6. Гравюра «Осел и мужик», рис. И. Иванов, грав. С. Галактионов. 7. Гравюра «Напраслина», рис. И. Иванов, грав. И. Ческий. 8. Гравюра «Сочинитель и разбойник», рис. И. Иванов, грав. И. Ческий. 9. Гравюра «Василек», рис. И. Иванов, грав. И. Ческий. Всюду монограмма «А. О.».

Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым. Спб., 1902, с. 75.

Рукописный отд. Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив А. Н. Оленина.

Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым. Спб., 1902, с. 73.

Басни русские. Извлечение из собрания И. А. Крылова, с подражанием на французском и итальянском языках разными авторами и с двумя предисловиями, на французском г. Лемонтея, а на итальянском г. Салфия. Изданные Г. Орловым. Собрание сие украшено портретом автора и пятью отпечатанными рисунками. Ч. 1. Париж, 1825. (Все повторено на франц. яз.). Шмуцтитул, 2 загл.-л., 61, 242, 8 ненум. с. 8®.

Иллюстрации: 1. Грав. портрет Крылова. 2. «Орел и паук». 3. «Мартышка и очки».

То же. Ч. II. Париж, 1825. Шмуцтитул, 2 загл. л., 378, 3 ненум. с. 8®.

Иллюстрации: 1. «Кот и повар». 2. «Раздел», рис. Изабе. 3. «Прохожие и собаки».

Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 114.

Крылов И. Басни в осьми книгах. Новое издание, вновь исправленное и умноженное. Иждивением книгопродавца Смирдина. Спб., в тип. Александра Смирдина, 1830. Загл. л., 309, 1 ненум. с. 8® (выходили также в форматах 12® и 16®). Издание повторялось в 1831, 1833 и 1834 годах, каждое из них — тоже в трех форматах.

Крылов И. Басни. В осьми книгах. Спб., в тип. Александра Смирдина, 1834. (На обороте: Издание книгопродавца Александра Смирдина). Ч. I. Шмуцтитул, загл. л. 2 нenum., 187 с. 4®. (24,5x20 см).

Иллюстрации: 48 грав. тeneвым контуром рисунков к басням. Первый рисунок изображает Крылова — иллюстрации к басне «Василек». Имя художника-гравера нигде не указано. Все гравюры на отдельных листах.

Тоже. Ч. II. Спб., 1834. Шмуцтитул, загл. л., 2 нenum., 167, XX с. (оглавление). 4®.

Иллюстрации: 45 грав. тeneвым контуром рисунков к басням на отд. л.

Крылов И. Басни в восьми книгах. Тридцатая тысяча. Спб., в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1835. (На обороте тит. л.: Издание книгопродавца Александра Смирдина). 1 ил. л. (Портрет Крылова, рис. П. А. Оленин, грав. Гоберт). Шмуцтитул, загл. л., 41.0, XI с. (огл.). 32®. (10x6 см). Издание было повторено (с другим портретом) в 1837 году.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1953, с. 105.

Крылов И. Басни в восьми книгах. Сороковая тысяча Спб., в тип. А. А. Плюшара, 1840. (На обороте тит. л.: Издание книгопродавца Александра Смирдина). Шмуцтитул, загл. л., 300, VIII с. 8®. (21 X 13,5 см).

Иллюстрации: 1. Портрет Крылова, гравюра на стали, без подп. 2. Грав. на стали загл. л.: группа животных. 3. 24 ил. (ксилография) в тексте.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1953, с. 114.

Сергеев И. В. Иван Крылов. М.: Детгиз, 1955.

Эта и последующая цитаты — из биографии Крылова, написанной П. А. Плетневым, даны по собр. соч. И. А. Крылова, т. 1. Спб., 1847.

Сборник статей, читанных в Отд. рус. языка и словесности
имп. Академии наук. Т. 6. Спб., 1869 — статья В. М. Княжевича.

Подлинник завещания хранится в Отделе рукописей Гос. Публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Собрание автографов, картон 14, № 32.

Вяземский П. А. Собр. соч., т. 1. Спб., 1878, с. 163–164.

Отдел рукописей Гос. Публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив А. Н. Оленина, № 882.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 115.

Пушкин и его современники. Вып. 37. Л., 1928. Воспоминания Еропкиной об И. А. Крылове, с. 198.

Крылов И. А. Басни в девяти книгах. Спб., в тип. Военно-учебных заведений, 1843. Загл. л., 2 нenum., 326, VIII с. (оглавление). 8®